

АРХИТЕКТУРА

СССР

9

1953

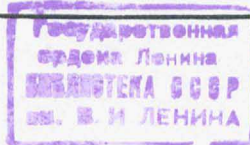
АРХИТЕКТУРА СССР

ОРГАН АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР, СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ СССР
и УПРАВЛЕНИЯ по ДЕЛАМ АРХИТЕКТУРЫ при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР

№ 9

Сентябрь

1953

Важные задачи архитектурной науки

Под руководством Коммунистической партии Советского Союза народы нашей страны строят коммунизм. Сознательное творчество коммунизма опирается на передовую советскую науку, использует все ее достижения.

Советский народ, свободный от капиталистического рабства, имеет все условия для развития способностей каждого человека и всего общества.

Гигантское развитие производительных сил страны на базе высшей техники означает массовое строительство промышленных сооружений, фабрик и заводов, мощных гидроэнергетических узлов. Промышленное строительство тесно связано с реконструкцией старых городов и строительством новых. Все наши пятилетние планы являются прежде всего гигантскими планами строительных работ. Согласно решениям XIX съезда КПСС объемы капиталовложений в промышленное, городское и сельское жилищное и общественное строительство значительно возрастают против четвертого пятилетнего плана. Одновременно с этим решение XIX съезда КПСС с большой остротой ставит проблему снижения стоимости строительства. Мы кровно заинтересованы в снижении стоимости строительства, потому что мы кровно заинтересованы в увеличении материальных благ, служащих советскому человеку и обществу в целом.

Председатель Совета Министров СССР Г. М. Маленков в своей речи на V сессии Верховного Совета СССР указал, что в деле повышения благосостояния народа важное значение имеет дальнейшее улучшение жилищных условий, расширение сети школ и детских учреждений. Между тем строительство жилищ осуществляется все еще плохо, планы жилищного строительства выполняются не полностью, строительство школ и детских учреждений часто запаздывает.

Архитектурная наука должна сыграть большую роль в скорейшем преодолении этих недостатков.

Грандиозное городское, промышленное и сельское строительство, задача снижения стоимости строительства тесно связаны с решением проблемы индустриализации строительства, внедрением новых наиболее совершенных методов строительных работ, внедрением новых заводских конструкций, переходом на поточно-скоростные индустриальные методы строительства, внедрением новых эффективных строительных материалов, снижающих собственный вес здания и, следовательно, резко повышающих производительность труда. Большое количество возводимых жилых домов и общественных зданий формирует структуру современного советского города, его материальную ткань и, следовательно, его художественный облик. Отсюда с особенно большой остротой перед советскими архитекторами встают творческие вопросы архитектуры как большого синтетического искусства, которое должно отразить в своих произведениях величие и красоту социалистической эпохи.

Все эти задачи для своего успешного разрешения требуют широчайшего внедрения в практику строительства достижений архитектурной науки.

На Академию архитектуры СССР как центральное научно-исследовательское учреждение в области архитектуры падает большая ответственность.

В связи с этим приобретает интерес для развития нашей архитектурной науки XI сессия Академии архитектуры СССР, которая прошла 7-9 июля и была посвящена обсуждению работы и задач академии. Доклады, сделанные на этой сессии («О работе и основных задачах Академии архитектуры СССР в свете решений XIX съезда КПСС и труда товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» — А. Г. Мордвинова и «Отчет о научно-исследовательской работе Академии архитектуры СССР в 1952 году и плане научно-исследовательских работ в 1953 году» — Н. П. Былинкина), и критические выступления участников сессии позволили вскрыть серьезное отставание академии от запросов практики нашего строительства и наметить наиболее важные задачи научной работы на текущее пятилетие.

Было бы, конечно, неправильно не замечать того положительного влияния, которое оказала академия на формирование советской архитектуры. Достижения нашей советской архитектуры, а они несомненны и в области градостроительства, и в области формирования типа советского жилого дома и многочисленных общественных сооружений, сложились не без влияния академии.

В годы борьбы за воспитание советского архитектора как социалистического реалиста, опирающегося в своем творчестве на критическое освоение всего прогрессивного опыта классики, Институт аспирантуры академии сыграл решающую роль. Ведущие кадры советских архитекторов, из которых ныне многие лауреаты Сталинских премий, руководители мастерских, профессора архитектурного института, прошли через Институт аспирантуры Академии архитектуры.

За 18 лет своего существования Академия архитектуры СССР создала архитектурную советскую библиотеку. Были изданы теоретические труды классиков архитектуры, уважи по лучшим памятникам мирового зодчества, впервые организовано издание уважи русской архитектуры, созданы капитальные работы по «Всеобщей истории архитектуры», в 1952 году выпущен краткий учебник по истории русской архитектуры, нашедший широкое признание среди студентов, архитекторов, профессоров вузов; академией разработаны важные нормативные материалы по жилым и общественным зданиям; впервые в 1938 году были научно сформулированы принципы типового проектирования, разработан ряд новых конструкций и отделочных материалов. Конференции и сессии Академии архитектуры СССР, на которых виднейшие зодчие страны, объединяемые академией, обсуждали основные творческие вопросы, — все это вместе взятое вливалось в общий поток трудовых усилий советских архитекторов.

Другими словами, за это время при постоянной помощи и поддержке КПСС и Советского правительства развилась, окрепла, стала реальным действующим фактором в нашей жизни советская архитектурная наука.

В последние годы Академия архитектуры СССР на страницах газет и журналов совершенно справедливо подвергалась серьезной критике. Но даже в самом существе этой критики, иногда очень суровой и требовательной, получает отражение факт признания практической необходимости существования академии.

Создание Академии архитектуры в Германской Демократической Республике, в Румынской Народной Республике лишний раз подтверждает, что этот новый в истории мировой культуры тип учреждения мог возникнуть и развиваться только в условиях народной власти.

Однако надо признать, что Академия архитектуры СССР отстает от практических требований жизни, не удовлетворяет потребностей нашей архитектуры.

В своем докладе тов. Мордвинов вначале обратился к практике архитектуры в нашей стране и показал, что на современном этапе развития советской архитектуры, помимо несомненных и серьезных достижений, к которым относятся лучшие образцы массового жилищного строительства, строительство московского метрополитена, высотных зданий, имеются и серьезные творческие недостатки. Эти недостатки свидетельствуют о том, что уровень мастерства наших зодчих во многих случаях не соответствует уровню тех требований, которые предъявляет наш культурно выросший советский человек.

В качестве серьезных недостатков в практике советской архитектуры докладчиком были приведены примеры эклектики, украшательства. В архитектуре новых вокзалов Харькова и Одессы игнорируются ведущие принципы советской архитектуры, сформулированные в свое время еще по поводу проектирования строительства Дворца Советов, — принципы простоты, благородства и изящества форм. Даже в таких произведениях, как высотные сооружения Москвы (административное здание на Смоленской площади, Новый Университет), сложная задача художественного выполнения интерьера не получила убедительного разрешения, и здесь еще имеет место модернизм, отсутствие чувства целого, нарочитая декоративность. В жилых домах Москвы (дома близ Курского вокзала, на Вальной улице) много лишнего, отсутствие должного вкуса и культуры.

В массовой застройке улиц и площадей наших городов нарушаются элементарные требования ансамбля; при решении сложной проблемы архитектуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, имеет место прямое копирование форм древней архитектуры (Ереван) или поверхностное украшательство элементами, органически чуждыми социалистическому содержанию (Баку).

В докладе было указано, что недостатки архитектурной практики во многом определяются отставанием архитектурной науки, тем, что она не освещает путь практике.

Самым серьезным недостатком Академии архитектуры СССР является прежде всего ее непозволительное отставание в области теории советской архитектуры. Начать хотя бы с того, что мы не имеем серьезных научных исследований общих вопросов теории архитектуры. В свое время Н. Г. Чернышевский в момент острой борьбы за реалистическое искусство против формалистов — эстетов, против жрецов «чистого искусства» указывал, что бывают моменты, когда разъяснение общих вопросов эстетики является крайне необходимым для правильного понимания практических задач искусства.

С этой точки зрения отсутствие научных работ, раскрывающих сущность советской архитектуры, определяющих это понятие, является в настоящее время серьезным тормозом. На простой вопрос — что такое архитектура, мы не имеем четкого, доказательного, научно обоснованного ответа. При кажущейся простоте ответ на этот вопрос оказывается необыкновенно трудным в силу своеобразных специфических черт этого большого искусства.

Архитектура как специфическая деятельность человека теснейшим образом связана с созданием прежде всего материальных благ для трудящихся. Прежде чем эстетически волновать человека, прежде чем стать произведением искусства, жилой дом должен быть таким, чтобы в нем можно было хорошо и удобно жить, театр таким, чтобы в нем можно было удобно работать актеру и смотреть спектакль зрителям, фабрики и заводы должны обеспечить процесс производственной деятельности и т. д. и т. п.

С какого момента и при каких условиях это материальное благо становится произведением искусства?

С какого момента строительство становится архитектурой? Как качественно видоизменяется существо функциональных, конструктивных и других достоинств сооружения в том случае, когда все эти элементы объемлет единое творчество художника? Каковы границы и возможности отражения мобилизующих, организующих и преобразующих идей нашего общества в архитектуре?

На все эти вопросы мы не имеем ответа. А между тем эти, казалось бы, общие вопросы имеют непосредственное практическое значение.

Ведь существует же такая вульгарная точка зрения, что строительство и архитектура есть тождественные понятия, что все то, что строится, есть одновременно произведение архитектуры. Одновременно у ряда товарищей слагается отношение к архитектуре и как к чему-то второстепенному, прикладному, как к искусству оформления построенного.

Это поверхностное однобокое понимание существа архитектуры находит свое отражение в организации труда архитектора, в системе заработной платы и т. д.

Между тем Академия архитектуры СССР не опубликовала ни одного сколько-нибудь серьезного труда по вопросу правильного толкования самого существа архитектуры.

Возьмем другую проблему, проблему социалистического реализма в архитектуре как творческого метода архитектора. По этим вопросам тоже много путаницы. Путают социалистический реализм со стилем, говорят о стиле социалистического реализма и выискивают его формальные признаки в архитектурных деталях; сводят понятие социалистического реализма как метода только к решению чисто идейно-художественных задач, предавая забвению вопросы удобства, функциональных достоинств, техники, экономики и соблюдения градостроительных требований.

Говоря о социалистическом реализме как методе творческой работы, мы должны раскрыть существо этого метода, показать требования этого метода, а между тем, кроме общих фраз и императивных утверждений, мы ничего не имеем.

Известно, что в научно-исследовательских планах Академии архитектуры СССР с 1949 года стоит тема: «Социалистический реализм как творческий метод советского архитектора». Сколько раз декларировалось, что эта работа уже подготовлена, что эта работа уже сдана в печать! Но проходят годы, а советские архитекторы не могут прочитат ни одного внятного слова по этому важному, животрепещущему вопросу.

Спрашивается, что люди, которые возглавляют Институт теории и истории, люди, которые работают над этими вопросами, несут какую-либо ответственность перед Президиумом Академии архитектуры, а Президиум перед всей нашей общественностью за отставание в этом вопросе?

Другой важнейшей проблемой, которая должна освещать путь практике, является несомненно теория советского градостроительства, ибо градостроительная черта является существенным и отличительным признаком советской архитектуры. Ни одна капиталистическая страна в мире не могла и не может подойти к решению больших градостроительных задач. Планы преобразования городов, которые составлялись и составляются в капиталистических странах, никогда не были и не могут быть одновременно народнохозяйственными планами в силу анархии и конкуренции, в силу института частной собственности, составляющего суть капитализма. Отсюда неизбежная утопичность проектов, отсюда неизбежное нарастание противоречий современного капиталистического города.

Советская градостроительная наука возникла в самой гуще решения многочисленных практических задач. На XI сессии Академии архитектуры СССР было с удовлетворением всеми участниками отмечено, что Институт градостроительства Академии архитектуры СССР сдал в 1952 году в печать два больших теоретических труда — это «Основы застройки городов» как пособие для проектировщиков и «Основы планировки и застройки населенных мест» — учебник для архитектурных вузов. Надо, чтобы Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре приложило все силы к быстрейшему их изданию. Эти две работы, в которых так остро нуждается наша архитектурная школа и большая армия проектировщиков, не разрешают всех вопросов, они далеко не безукоризненны. Несомненно, эти работы потребуют дальнейшего своего улучшения, но очень важно, что сделан первый шаг, очень важно, что впервые систематизирован и обобщен обширный опыт советского градостроительства.

Однако, отдавая должное этим работам, мы не можем

не отметить отрыв Института градостроительства от жгучих вопросов текущей практики.

В плане Академии архитектуры СССР в 1952 году была поставлена для разрешения одна крайне важная для нашей практики проблема — это проблема планировки и застройки центральных городских ансамблей. Президиум наметил даже проведение специальной сессии по этому вопросу.

Известны также те большие усилия, которые тратят проектные организации и городские советы на создание городских ансамблей. Однако наблюдение за практикой их осуществления вскрывает серьезные недостатки, и в этих недостатках во многом повинна Академия архитектуры СССР, в частности ее Институт градостроительства.

Само понятие ансамбля до сих пор не сформулировано, между тем это понятие достаточно широкое и многообразное. Оно тесно связано с умением проникнуть в существо индивидуальных градостроительных условий, на основе тех общих закономерностей, которые определяют принципы композиции ансамбля.

Для того, чтобы вооружить архитекторов-практиков, недостаточно общих положений о том, что «ансамбль требует выделения главного и подчинения ему второстепенного», что «ансамбль означает единство архитектурно-художественного приема» и т. д. и т. п. Все эти общие положения достаточно хорошо известны. Архитекторы нуждаются в другом, они нуждаются в конкретном раскрытии тех закономерностей, которые лежат в основе классических ансамблей, они нуждаются в научном изложении метода применения этих закономерностей к совершенно новым социальным условиям жизни трудящихся советского города и к новым пространственным масштабам города. Между тем никаких работ по этим вопросам мы не имеем. Запланированная Институтом градостроительства работа оставлена пока без последствий, а сессия не проведена.

Современный советский город — это самый сложный организм. В нем огромное значение приобретает разумное решение транспортных проблем, экономичная планировочная структура города в связи с инженерной подготовкой территории, в связи с санитарно-техническим оборудованием города.

Сегодня ни одна архитектурно-композиционная задача городского плана не может быть рассмотрена вне связи со сложным комплексом вопросов городской техники.

Между тем Институт градостроительства академии уже по своей структуре не обеспечивает всестороннее рассмотрение этих проблем. Получается также впечатление, что в академии проблему градостроительства члесто понимают только с позиции абстрактно-планировочных задач, не затрагивая всех сопутствующих инженерно-технических проблем и избегая вопросов большой художественной композиции отдельного ансамбля и всего города, как единства ансамблей.

Общезвестно, что огромные масштабы жилищного строительства приводят к застройке целых улиц и жилых районов. Достаточно вспомнить строительство в Донбассе, гигантское жилищное строительство в Магнитогорске и Нижнем Тагиле, Сталинске, Сталинграде, Минске, Киеве и других городах, чтобы уяснить себе важность проблемы всестороннего теоретического обобщения этого опыта и разработки вопросов застройки советского жилого квартала. В вопросах оптимального размера квартала, его функционального зонирования, нормирования всех его элементов, комплексной экономики, научно обоснованного размещения детских учреждений и школ — нет ясных научных рекомендаций, и от этого страдает наше строительство.

Громадным недостатком, который отмечался всеми участниками сессии, является неблагоприятие с типовым проектированием. Участники сессии отметили, что в деле типового проектирования ни Государственный Комитет СМ СССР по делам строительства, ни проектные организации министерств, ни Академия архитектуры СССР не проявили должного ответственного отношения к этому важному делу.

В самом деле, строительство 105 миллионов квадратных метров жилой площади, которое мы должны осуществить в городах нашей страны, согласно директивам XIX съезда КПСС не мыслимо без широкого использования типовых проектов.

Типовой проект должен быть проводником промышленных методов строительства, но взятых не в отрыве от реальных возможностей различных мест строительства, а в связи с ними. Типовой проект должен учитывать климатические особенности отдельных районов нашей страны. В то же время типовой проект должен

обеспечить возможность осуществления разнообразных градостроительных композиций.

Такие большие и сложные задачи типового проектирования могут быть решены только на основе научно обоснованной методики типового проектирования. Создание такой методики требует широкого изучения практики типового проектирования, обобщения опыта типового проектирования и строительства по типовым проектам.

Возникает также потребность в научно обоснованной номенклатуре жилых домов, связанной с материально-техническими возможностями и с климатическими районами строительства. Могут ли это осуществить отдельные самостоятельно работающие и никем методически не объединяемые организации? Нет, не могут.

Что же делает Академия архитектуры в этом важном определяющем судьбу нашей массовой архитектуры деле? Ее роль сводится или к разработке обычных проектов наряду и совместно с проектными организациями или просто к консультации. Но это — капля в море. Завершением теоретических изысканий академии должно быть создание новых типовых жилых и общественных зданий.

Поэтому, помимо разработки норм, программных заданий на проектирование жилищ, школ и больниц, академия должна создавать типовые проекты как определенные образцы, всесторонне разработанные. Для этого Академия архитектуры должна создать институт типового проектирования, который, опираясь на научные изыскания институтов, через типовые проекты проводил бы в жизнь достижения науки и техники.

В настоящее время Институт теории и истории не обеспечивает нашу практику разработкой общетеоретических вопросов эстетики в применении к архитектуре, а Институт архитектуры жилища, Институт архитектуры общественных и промышленных сооружений не разрабатывают вопросов теории проектирования жилых и общественных зданий и в частности обходят молчалием сложные творческие проблемы.

Серьезное отставание нашей науки имеется и в области индустриализации строительства. Известно, что Академия архитектуры СССР сделала ряд интересных предложений, что она является одним из инициаторов внедрения крупнопанельных конструкций в практику жилищного строительства, но все же она не заняла ведущего места в этом вопросе. Мы не знаем ни одного теоретического труда, который бы обобщил усилия инженеров и архитекторов, работающих над проблемой крупнопанельного домостроения. В этой проблеме, в частности, сложным вопросом является снятие противоречий между искусством и стандартом. Заводской метод производства заинтересован в производстве обильной товарной продукции, только при этих условиях может быть снижена стоимость и повышено техническое качество изделий. Между тем, архитектурно-композиционные требования к жилым и общественным зданиям вызывают необходимость разнообразия в производимых деталях.

Как снять это противоречие? Практики-строители и проектировщики мучительно думают над этим делом; имеется ряд интересных предложений, в частности огромный интерес представляют теоретические работы И. В. Жолтовского, но никаких теоретических работ в этом направлении академия не издала.

Огромным недостатком научно-исследовательских институтов академии является то обстоятельство, что они работают замкнуто. Это не значит, что институты не связаны с практикой. Нет, — в академии достаточно широко применяется метод социалистических договоров о содружестве людей науки и практики, и этот метод дает свои положительные результаты. Известна работа Института архитектуры жилища с САКБ по разработке типовых секций для 8—14-этажных жилых домов, Института строительной техники с той же организацией по разработке железобетонных нормалей для новых заводов. Известна работа Института архитектуры общественных и промышленных сооружений с проектной мастерской Министерства просвещения РСФСР по созданию серии типовых проектов школ. Плодотворную работу проводит в этом отношении Институт сельского и колхозного строительства с рядом организаций, связанных со строительством на селе, и т. д.

В академии проводится и достаточно научных совещаний, в орбиту которых вовлекается большое количество работников проектных и строительных организаций. Всею этого отрицать нельзя, и все же Академия архитектуры СССР работает замкнуто в силу того, что ее институты не реагируют чутко и быстро на те вопросы, которые повседневно возникают в практике.

Научно-исследовательские институты Академии не заняли роли ведущих научных организаций в дискуссионном обсуждении важнейших проблем науки и строительной техники.

Призванные стать самыми авторитетными организациями для архитекторов и строителей научно-исследовательские институты академии такими организациями не стали. Ни институты академии, ни академии в целом должным авторитетом еще не пользуются.

В чем же тут дело? Происходит это потому, что институты не связаны надлежащим образом с практикой, не обобщают эту практику как должно. Институты не стали центрами научного тяготения, они не объединяют усилия научных работников на местах, они не стали учреждениями, куда бы инженер, архитектор, техник, рабочий стахановец доверчиво несли свой опыт, свои предложения, будучи твердо уверенными в том, что этот опыт будет внимательно изучен, что ему будет оказана помощь, что само творчество отдельного человека, организации будет достойно поддержано научным авторитетом Академии.

Наоборот, наблюдается другое явление — желание институтов утвердить свою собственную, личную работу. Тем самым институты академии ставят себя сами в ряд других организаций, не понимая своей роли союзных центральных научных учреждений, тогда как дело советского научного учреждения заключается прежде всего в широкой мобилизации и объединении научных усилий советских людей, сознательных творцов коммунизма.

В Уставе Академии архитектуры СССР записано — «активное содействие подъему теории и практики советской архитектуры». Следовательно, уже сам устав предполагает наличие такой помощи отдельным работникам, о которой мы говорили выше и без которой немислим общий подъем теории и практики советской архитектуры.

Объединяет ли сегодня Академия архитектуры СССР научные силы страны, способствует ли она усилиям отдельных энтузиастов в области теории и практики архитектуры? Нет, она этого не делает, и это является самым большим недостатком в области связи академии с практикой.

Мы не знаем пока ни одной проектной организации, ни одного архитектора, инженера, стахановца, передовой опыт которых получил бы известность в стране через посредство академии, и это обстоятельство снижает ее авторитет среди практических работников.

Совершенно недостаточно оказывает Академия архитектуры СССР помощь творчеству советских архитекторов, а ведь это ее одна из главнейших задач. Архитектор не может творить в безвоздушном пространстве. Архитектор должен изучать красивые вещи, он должен иметь под руками примеры решений близких ему задач. Вдохновленный той или иной идеей, пережив эту идею как определенный поэтический образ, архитектор начинает сложную творческую работу над правильным решением темы, над архитектурной формой, наиболее точно передающей его идейно-художественный замысел.

Отсюда возникает необходимость создания таких пособий, как увражи, посвященные памятникам русской и мировой архитектуры, чертежей по архитектурным деталям, исследований по отдельным памятникам.

Как патриоты мы говорим о необходимости критического освоения в первую очередь русской классики и классических произведений других наших народов. Однако эти разговоры будут беспредметны до тех пор, пока на рабочем столе не будут лежать увражи знаменитых градостроительных ансамблей Росси и Захарова, монументальных сооружений Стасова, Захарова, Воронихина, Казакова и др.

Предпринятая Институтом истории и теории архитектуры в 1952 году работа по созданию увражий выдающихся творений Казакова заслуживает самой широкой поддержки. Но академия должна уяснить, что этому виду работ должен быть придан соответствующий размах. Надо вовлечь в подготовку этих изданий Архитектурный институт, Союз советских архитекторов, в архивах которых хранится много ценных обмеров и рисунков.

Академия архитектуры СССР ничтожно мало издает научных работ своих институтов. Процесс подготовки рукописей к печати и прохождение их через издательство непозволительно долго. Пока работы печатаются, они стареют и, выходя с запозданием, уже не приносят той пользы, которую могли бы принести, если бы вышли своевременно. Издание «Ежегодников советской архитектуры» по сути дела провалилось, ибо, кроме одно-

го Ежегодника за 1950 год, до сих пор ничего не издано. Институты когда-то печатали научные сообщения. Эти маленькие дешевые брошюры, ежегодно выходявшие в академии, знакомили архитектурную общественность с предложениями институтов. Выход их давно прекратился, равно как прекратился и выход сборников институтов.

Многочисленные диссертации, среди которых есть очень содержательные и нужные практике советской архитектуры, затрагивающие самые актуальные темы, несмотря на постановления Ученого Совета об их издании, лежат на полках. Сессия вынесла решение о воссоздании Издательства Академии архитектуры, так как издание книги по архитектуре — это сложная задача и она не может быть решена вне постоянного влияния самой академии на процесс издания книг.

Докладчики одновременно приводили примеры низкого качества отдельных работ Академии архитектуры СССР, в частности указывалось на то, что ее институты еще не уяснили специфику научной работы. В результате ряд работ не поднимается выше уровня газетных статей. Но то, что хорошо в газете, выходящей периодически, уже непригодно для книги. Примером могут служить два сборника «Архитектура республик Закавказья» и «Архитектура республик Средней Азии». Вследствие отсутствия литературы по этим важным вопросам и эти сборники играют известную положительную роль. Но мало-мальски строгое к ним отношение обнаруживает, сколь поверхностны в большинстве статьи, объединенные под переплетами этих сборников.

В иллюстративном материале в большинстве случаев мы находим только общие виды фасадов, нет планов, нет разрезов, нет ни одного анализа, одни описания, но даже и описания весьма поверхностны и неточны.

Известно также, что издательство возвращает большое количество работ институтам академии и институты перерабатывают эти работы по четыре-пять месяцев, тем самым искажая по сути дела действительную картину выполнения плана за предыдущий год. Такие работы, как пособие по кинотеатрам, пособие по сельским клубам, пособие по санаториям и курортам, обошлись государству в большие денежные суммы и на протяжении последних двух лет странствуют между Издательством и Институтом общественных и промышленных сооружений.

В отдельных работах, что уже совсем недопустимо, обнаруживается поверхностное, аполитичное изложение проблемы, а иногда и серьезные ошибки, совершенно нетерпимые для Академии архитектуры СССР.

В чем же причина столь серьезных недостатков Академии архитектуры СССР?

Как сами докладчики, так и участники сессии стремились полнее вскрыть причины этих недостатков. Одной из них является несомненно недостаточная работа Президиума академии.

Президиум не обеспечивает надлежащего квалифицированного руководства существом научной деятельности академии. Работа Президиума перегружена текущими незначительными вопросами, которые с успехом могли и должны были бы ответственно решать вице-президенты Академии архитектуры СССР, академик-секретарь.

Вследствие того обстоятельства, что большой круг мелких организационных вопросов проходит через Президиум, теряется личная ответственность руководителей академии за определенные участки работ. Перегруженность текучкой отвлекает Президиум от рассмотрения важнейших научных проблем по существу, от научного контроля за работой над важнейшими темами Академии. Поэтому не случайно, что в решениях Государственного комитета по делам строительства из года в год отмечается невыполнение плана по важнейшим темам.

С 1948 года разрабатывались «Основы советского градостроительства», с 1949 года «Краткий курс истории советской архитектуры», однако Президиум не обсудил эти важнейшие работы в процессе подготовки, и это отрицательно сказалось на темпах подготовки самих работ.

Президиум плохо борется и за внедрение, за реализацию решений прошедших сессий. Как известно, хорошо проведенная в организационном и научном отношении сессия по архитектурному образованию, прошедшая в живой горячей дискуссии и выдвинувшая ряд чрезвычайно важных положений для нашего архитектурного образования, никакой реализации пока не получила.

Президиум не только не координирует научную работу отделов и институтов по архитектуре и строительству, имеющихся в республиканских академиях наук,

он даже, как это выяснилось на сессии, не осуществляет совместной работы с Украинской Академией архитектуры. В самой работе Президиума отсутствует атмосфера деловой принципиальной критики.

Другой причиной больших недостатков Академии архитектуры СССР является метод ее работы. Современная наука не может развиваться вне дискуссий, вне свободного обмена мнений.

Формально количество совещаний и различных конференций, посвященных актуальным и нужным проблемам, в академии велико, но назвать эти совещания дискуссионными нельзя, даже при самом большом обрамлении. Прочитываются доклады, в этих докладах по возможности обойдены заранее все острые дискуссионные вопросы. Выступающие в прениях товарищи или присоединяются к положениям докладчика, или высказывают ряд соображений, не имеющих прямого отношения к докладу — дискуссий не получается. Больше того, институты академии всячески уходят от дискуссий, боятся их, сглаживают противоречия и тем самым не способствуют выработке правильных теоретических положений.

Так, на совещании Института истории и теории архитектуры, посвященном вопросу — «Творческие проблемы советской архитектуры в свете трудов И. В. Сталина», обнаруживались совершенно различные точки зрения на природу архитектуры. По вопросу о том, что такое архитектура, был высказан ряд прямо противоположных, исключая друг друга точек зрения. Казалось бы, что это обстоятельство должно было понудить строителей дискуссии выявить до конца все противоречия, поддержать горячее обсуждение и дать научно обоснованное сведение этих точек зрения к правильно-му, материалистическому пониманию архитектуры.

Ничего подобного сделано не было, Институт ушел от дискуссии, спрятался от нее, и тем самым такое совещание не только не принесло пользы, а загнало противоречия вглубь, вызвало еще больше недоуменных вопросов, чем их было раньше.

До сих пор не подвергнуты обсуждению различные точки зрения на экономику жилищного строительства в связи с этажностью жилых домов, а между тем правильное научное разъяснение этого вопроса крайне необходимо в практике строительства. Точно так же известно, что среди инженеров-строителей существуют различные точки зрения на методы организации строительных работ, на различные типы конструкций. Казалось бы, задача научного учреждения — разобраться в этих вопросах, смело и остро поставить эти проблемы на обсуждение, выявить неправильные точки зрения, сказать помощь в их преодолении и двинуть тем самым в практику самое передовое.

Академия архитектуры СССР этого не делает.

Казалось бы, кто, как не академия должна поставить на дискуссию творческие вопросы советской архитектуры? Но Академия этого не делает.

Нужно сказать вообще, что справедливые жалобы на отсутствие деловой критики среди архитектурной общественности, без которой невозможно разобраться в задачах сегодняшнего дня, должны быть отнесены прежде всего на счет Академии архитектуры СССР. Кто как не академия должна показать образцы этой глубокой профессиональной критики, критики, которая помогает практике разобраться в задачах сегодняшнего дня.

Академия архитектуры СССР обычно обращается к обсуждению тех произведений, которые получили уже общенародное признание в виде Сталинских премий.

Отсутствие острой профессиональной и своевременной критики на все важнейшие явления нашей практики и лежит в основе отрыва Академии от жизни, в низком качестве некоторых ее работ.

Другой важнейшей причиной недостатков в работе Академии архитектуры СССР является недостаточная требовательность к работникам, низкая производительность труда, либеральное отношение к людям, производящим брак. В академии имеются сотрудники, которые ничем не известны обществу. Они защитили диссертации — и все. Книг мы их не видим, статей в журналах также, лекций они не читают, педагогической работы не ведут. Спрашивается, что они делают? В Академии отсутствует проверка людей и выдвижение их на основе их непосредственной научной работы. Об этом надо серьезно подумать Президиуму.

Наряду с отмеченными причинами есть и объективные обстоятельства, которые отрицательно влияют на работу Академии архитектуры СССР и которые не могут быть решены силами самой академии.

На Сессии отмечалось, что Государственный Комитет СМ СССР по делам строительства не оказывает должной помощи Академии архитектуры. Мероприятия по усилению академии, внесенные на рассмотрение Коми-

тета в феврале 1952 года, до сих пор не рассмотрены Комитетом. Комитет ограничивает свою роль руководства только обследованием.

Академия испытывает нужду в помещении, оборудование лабораторий устарело, нет точных измерительных приборов. Должной помощи в этих вопросах Академия архитектуры СССР от Комитета не получает.

XI сессия, одобрив в основном направление деятельности Академии архитектуры СССР, подвергнув серьезной развернутой критике недостатки академии, одновременно внесла ряд предложений по вопросу о развитии научной деятельности академии в настоящем пятилетии. Сессия предложила Академии архитектуры СССР сосредоточить свое внимание прежде всего на творческих вопросах советской архитектуры, на вопросах создания общей теории советской архитектуры (определение сущности архитектуры, установление границ изобразительных возможностей архитектуры, взаимоотношение формы и содержания в архитектуре, раскрытие понятия прекрасного в архитектуре).

Сессия отметила совершенно недостаточное внимание со стороны Президиума к важнейшей работе, намеченной академией, — созданию пособия по теории архитектурной композиции. Архитекторы давно ждут от академии такой работы, а ведь она ведется с 1951 года.

Сессия поставила задачу создания теоретических трудов в области ансамбля в новых градостроительных условиях советского зодчества. Одновременно с этим сессия предложила Президиуму широко развить разработку трудов, связанных с повышением художественного мастерства советских архитекторов (монографии, посвященные творчеству мастеров, исследования по отдельным памятникам архитектуры, издание увражей по классической архитектуре и лучшим образцам русской архитектуры и архитектуры других народов СССР).

В связи с огромным значением современного этапа реконструкции Москвы для всего нашего градостроительства сессия признала своевременным проведение специальной сессии Академии по анализу работы мастерских Моссовета над магистралями Москвы.

Большие работы наметила сессия по типовому проектированию, обратив внимание Президиума прежде всего на создание трудов по обобщению практики типового проектирования, по созданию научно обоснованной номенклатуры типовых проектов и методике типового проектирования. Одновременно сессия поручила Президиуму разработать новые организационные формы практического участия в типовом проектировании и продумать вопросы о создании специального института типового проектирования.

Современный этап развития советской архитектуры требует учета всех элементов строительства в решении творческих задач. Поэтому сессия нашла необходимым поставить перед Академией архитектуры СССР вопрос о необходимости развития работ по индустриализации строительства, по внедрению крупносерийных индустриальных конструкций в тесной увязке с архитектурно-художественными проблемами.

В целях вовлечения в творческую работу всего коллектива членов академии Президиум наметил проведение ежегодных творческих выставок работ членов академии с предварительным научным изучением работ ведущих архитекторов страны и с последующей дискуссией по основным творческим вопросам советской архитектуры.

В целях приближения науки к практике и мобилизации местных научных сил академии предложено проводить сессии по отдельным вопросам на местах самого крупного строительства. В 1953 году будет проведено два крупных совещания: в Магнитогорске, где академия осуществляет большое экспериментальное строительство, и в Сталинграде.

Сессия предложила академии решительно изменить метод работы, сделав дискуссии, критику и самокритику главной движущей силой научной работы.

Надо признать, что в свете задач XIX съезда партии, под углом зрения той критики, которая была на прошедшей XI сессии, Президиум академии для того, чтобы слова не расходились с делом, должен решительно изменить метод своей работы. Принцип коллегиальности в решении вопросов, соединенный с личной ответственностью каждого члена Президиума должен быть основным принципом работы Президиума.

Решительная перестройка работы Академии архитектуры СССР в интересах запросов практики, повышение ответственности каждого работника и в особенности руководителей, тесная связь науки с практикой, вовлечение в научную деятельность передовых архитекторов, инженеров и строителей — вот что должно помочь Академии выполнить те задачи, которые поставлены XIX съездом КПСС.

Вокзал в Курске. Общий вид со стороны перрона. Архитектор И. Явейн. II премия

О творческих итогах работ архитекторов РСФСР за 1952 год

Архитектор С. КОЛЕСНИКОВ

Непрерывный подъем народного хозяйства, развитие социалистической культуры создают исключительно благоприятные условия для развития советской архитектуры и ставят перед ней все более сложные творческие задачи.

Практика первых лет пятой пятилетки свидетельствует о дальнейшем подъеме советской архитектуры. Растут не только масштабы градостроительства, но все полнее раскрывается градостроительный характер нашей архитектуры, ее высокая идейность.

Советские архитекторы под руководством Коммунистической партии плодотворно участвуют во всенародном деле восстановления разрушенных фашистами русских городов и в социалистическом преобразовании всех других советских городов.

Сейчас в нашей стране наступил новый период широкого размаха жилищного гражданского строительства. В истекшем 1952 году, по данным ЦСУ, в городах и рабочих поселках РСФСР сдано в эксплуатацию 18 миллионов квадратных метров жилой площади, т. е. в полтора раза больше среднего годового прироста жилой площади в первой послевоенной пятилетке.

Знаменательно, что творческий подъем нашей архитектуры выражается в неуклонном росте качества архитектуры жилых и общественных зданий. Представление об этом дают, в частности, материалы Всесоюзных конкурсов на лучшие выстроенные жилые и гражданские здания, поскольку такие конкурсы, широко охватывая архитектурную практику, имеют целью изучать и обобщать достижения советских архитекторов и строителей. В целом итоги конкурсов достаточно полно характеризуют движение всей советской архитектуры, показывают тенденции ее развития.

С этой точки зрения большой интерес представляют материалы только что закончившегося конкурса на лучшие выстроенные в 1952 году в городах и поселках РСФСР жилые и гражданские здания.

В творческом соревновании 1952 года приняли участие архитекторы 65 городов, откуда представлены на конкурс 135 общественных зданий и сооружений, а также значительное количество комплексов жилых зданий.

Материалы конкурса по жилищному строительству отражают новые прогрессивные черты нашего градострой-

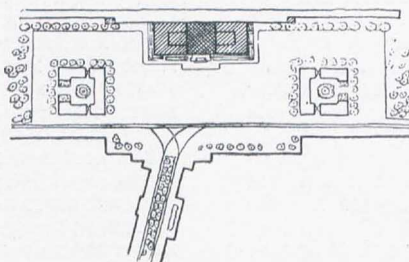
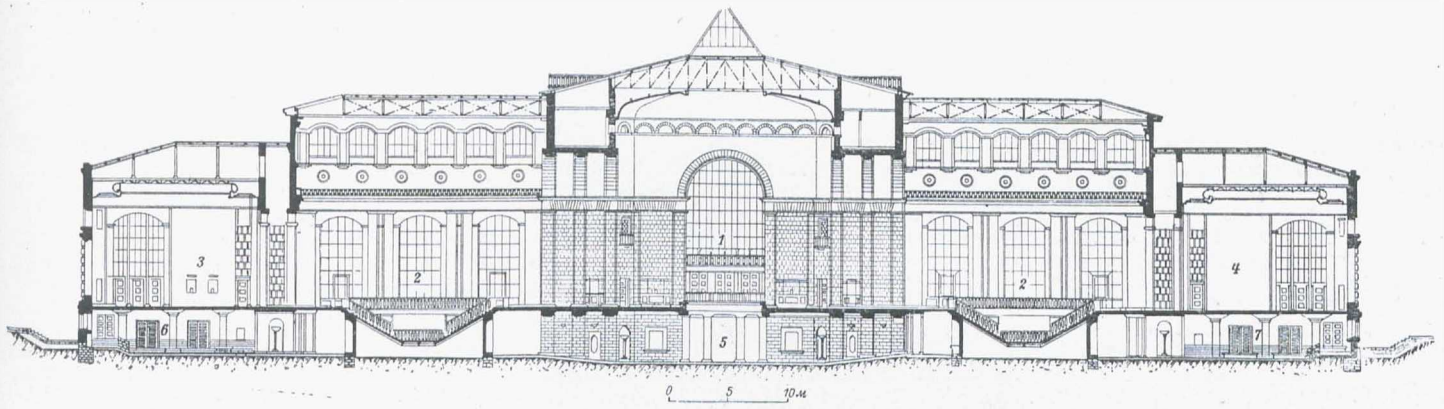
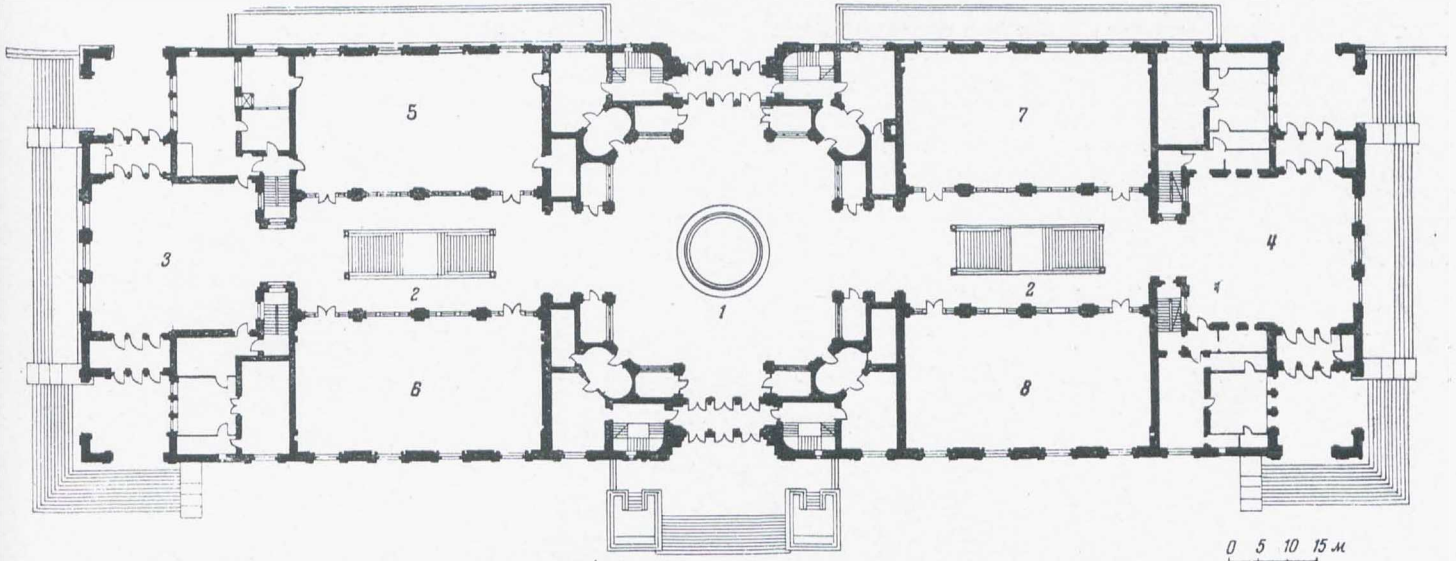

Схема застройки привокзальной площади в Курске

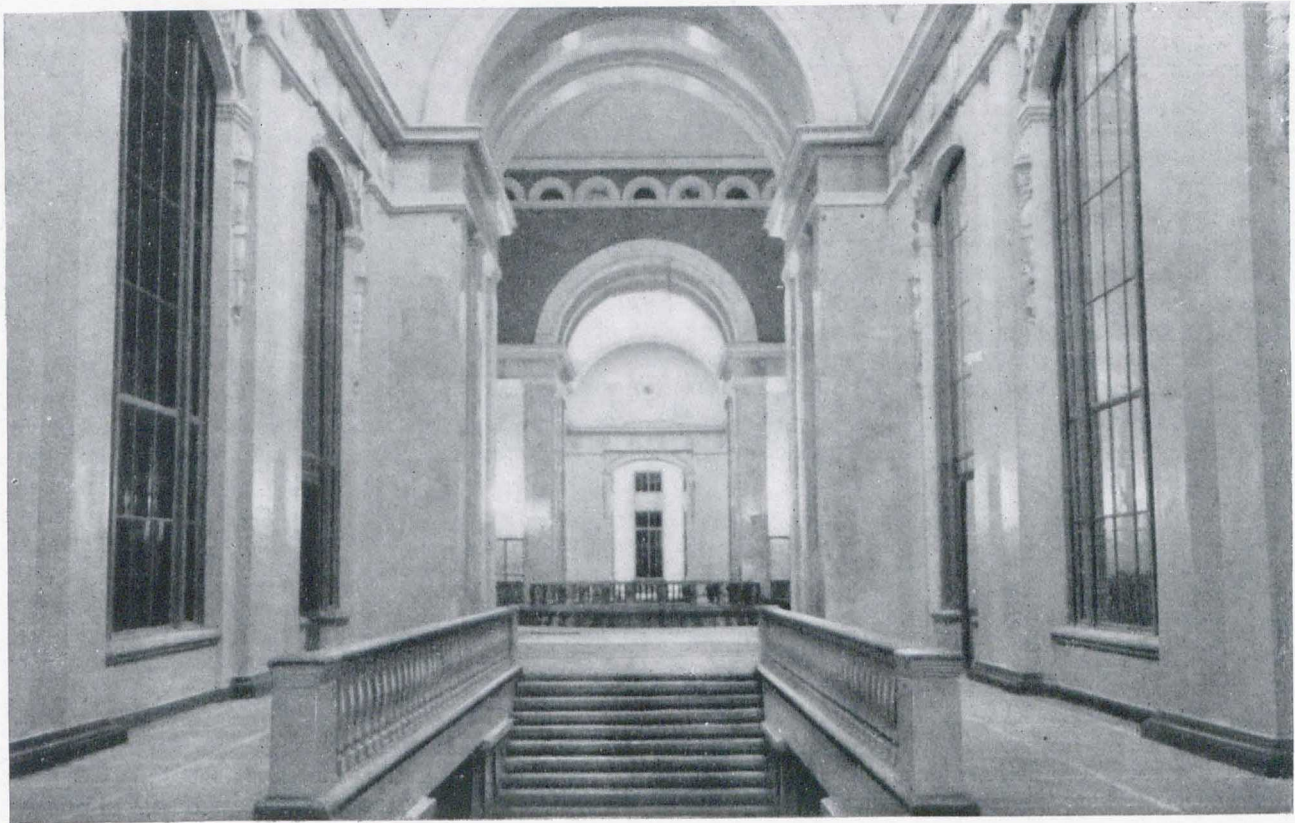
Вокзал в Курске. Продольный разрез

1 — главный вестибюль отправления; 2 — конкорсы прибытия и отправления; 3 — вестибюль прибытия; 4 — вестибюль пригородного сообщения; 5 — распределительный зал; 6 — багажный зал отправления; 7 — багажный зал прибытия

План вокзала на уровне главной платформы

1 — главный вестибюль; 2 — конкорсы; 3 — вестибюль прибытия; 4 — вестибюль отправления пригородного сообщения; 5 — ресторан; 6 — зал ожидания транзитных пассажиров; 7 — зал ожидания пассажиров дальнего следования; 8 — зал ожидания пассажиров пригородного движения

Вокзал в Курске. Интерьер

Административное здание в Архангельске. Центральная часть главного фасада. Автор — архитектор Л. Писарев при участии архитекторов М. Кибирева и Г. Вланина. II премия

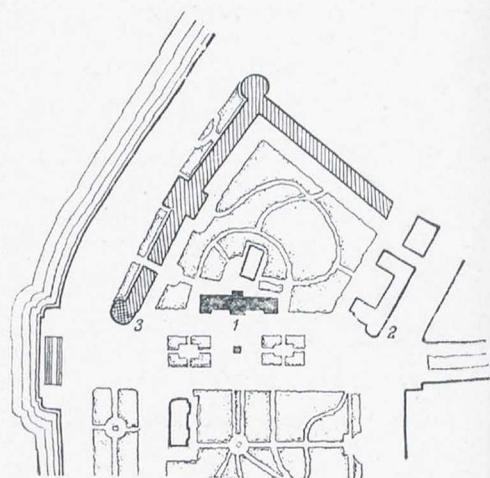

Схема плана застройки

1 — новое административное здание; 2 — здание управления связи; 3 — гостинный двор (памятник архитектуры)

тельства. Преобладающую группу конкурсных объектов составляют многоэтажные жилые дома. По малоэтажному жилищному строительству представлены на конкурс всего только 17 объектов, что в известной степени указывает на снижение удельного веса этого вида строительства в наших городах.

Итоги конкурса 1952 года свидетельствуют о происходящем в нашем жилищном строительстве переломе в сторону многоэтажного строительства, притом осуществляемого в значительной степени не штучными домами, а целыми комплексами, формирующими архитектуру улиц и магистралей или их отрезков. Даже такие упорно тяготевшие к малоэтажному строительству города, как Горький и Казань, представлены на конкурсе 1952 года многоэтажными комплексами.

На Всероссийском конкурсе 1952 года наиболее полно представлены гражданские здания: театры, школы, кино, дворцы культуры, вокзалы, административные здания. Всего на конкурс поступило 66 общественных сооружений. Из них достойными премий по архитектуре, планировке, экономическим показателям и качеству строительных и отделочных работ жюри конкурса признало 13 зданий.

Следует специально подчеркнуть тот знаменательный для советской архитектуры факт, что самую многочисленную группу объектов из представленных на конкурс сооружений составляют клубы, кинотеатры, дворцы культуры и другие общественные здания, что указывает на большую градостроительную роль этих сооружений в советских городах.

Первая премия присуждена архитектору В. Емельянову — автору проекта Дворца культуры металлургов в Нижнем Тагиле. Творческий успех архитектора В. Емельянова не является случайным. Советского зодчего не может не вдохновлять тема создания дворца культуры для нашего советского рабочего.

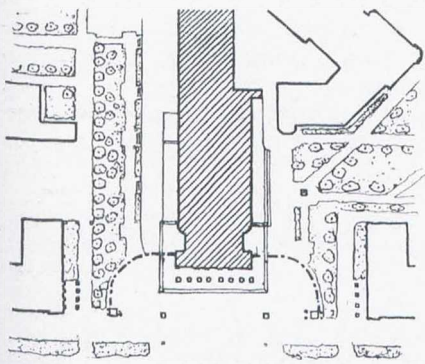
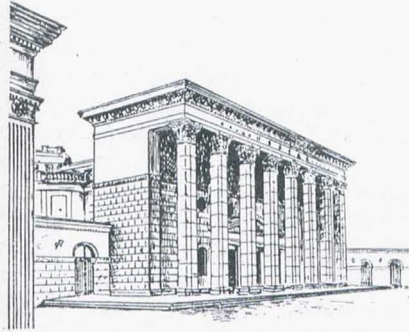
Для архитектора В. Емельянова образ дворца культуры является одной из центральных тем его творчества. Заслуженную известность получил также спроектированный и построенный под его наблюдением Дворец культуры в Каменск-Уральском, премированный на Всероссийском конкурсе 1947 года.

В своей новой работе архитектор В. Емельянов сумел достойно воплотить образ народного Дворца культуры, найдя для него выразительный и компактный объем. Во внутренней планировке здания автор, отказавшись от голой функциональной схемы, организовал парадную анфиладу залов, которые с постепенно нарастающей силой раскрываются перед посетителями.

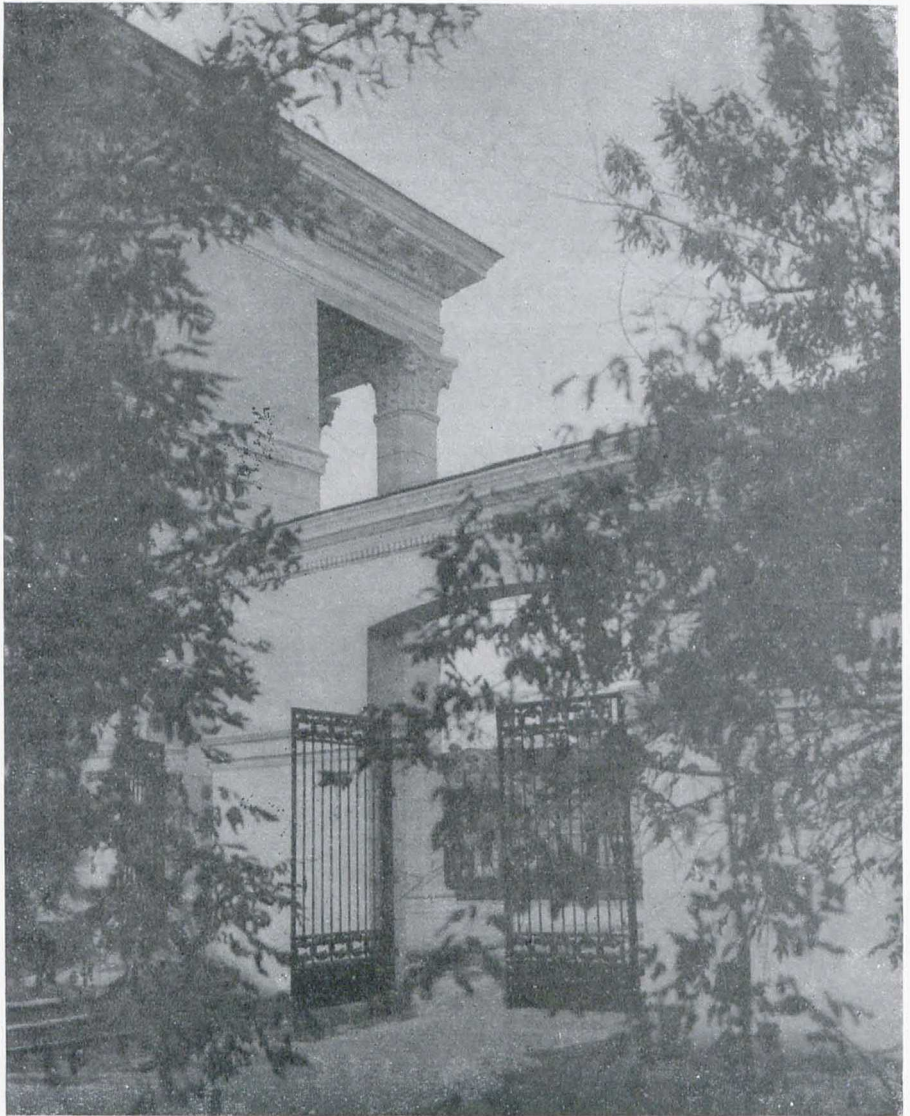
Автор проекта заботливо руководил всем художественным оформлением интерьеров Дворца, вплоть до заказа картин и изготовления чертежей мебели и armатуры. Большой труд и мастерство, вложенные архитектором В. Емельяновым в произведение, получили высокую оценку общественности.

Дворец культуры расположен в парке. На фоне листьев деревьев четко вырисовывается его компактный объем с многоколонным портиком и ротондой, завершающей здание. Однако при выборе места для Дворца культуры была допущена крупная ошибка. Парк рас-

Кинотеатр «Октябрь» в Новосибирске.
Архитектор Г. Кравцов. II премия
Фрагмент

Перспектива и схема плана застройки

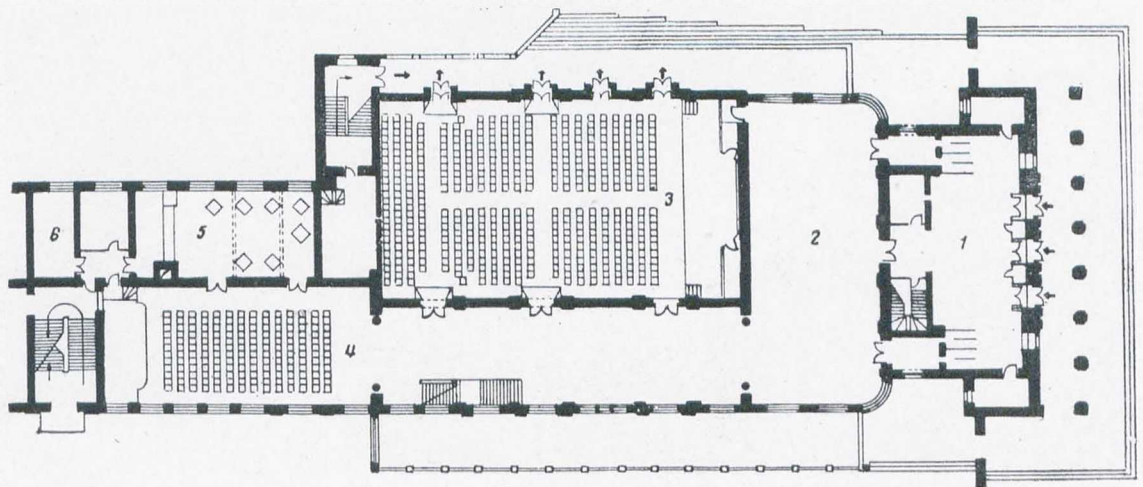

положен значительно ниже уровня территории примы-
кающего к нему жилого района, что сильно ухудшает
вид здания. Эффективнее было бы поставить это луч-
шее по архитектуре сооружение в центре города или в
районе Красного камня на возвышенном месте.

Высокую оценку жюри конкурса дало выстроенному
по проекту члена-корреспондента Академии архитек-
туры СССР А. Душкина в соавторстве с архитектором
Г. Аквилевым зданию нового железнодорожного вокза-

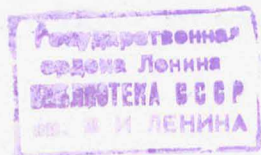
ла в Симферополе. Сложная композиция объемов этого
сооружения образует живописный ансамбль, оформляю-
щий привокзальную площадь.

Основным композиционным стержнем всего ансамбля
является открытый двор перед главным корпусом вок-
зала с галереями и зелеными насаждениями. Этот
двор в летнее время используется как большой зал
ожидания. К центральному объему примыкают вспомо-
гательные корпуса, связанные с ним аркадой.

План 1-го этажа
1 — кассовый вестибюль;
2 — фойе; 3 — зрительный
зал на 450 мест; 4 — кон-
цертный зал; 5 — буфет;
6 — комнаты артистов

0 5 10 м

Выразительный силуэт ансамблю придает башня со шпилем, хорошо просматриваемая с проспекта имени Ленина и из других мест города. Аркады, создающие богатую игру света и тени, придают всему ансамблю особый праздничный колорит, гармонирующий с природой Крыма.

Главная архитектурно-художественная тема сооружения — тема арки — трактуется авторами в различных вариациях. Пластику фасадов усиливает система замковых арок, перекрывающих спаренные окна и дверные проемы. Тему арки авторы переносят и в оформлении интерьеров, что создает впечатление художественного единства во всем комплексе.

Железнодорожный вокзал в Симферополе является ценным вкладом в архитектуру Крыма, подлинным украшением его административного центра — города Симферополя. Авторы и строители вокзала отмечены второй премией.

Такой же премии удостоен архитектор И. Явейн за разработку проекта выстроенного железнодорожного вокзала в Курске. Архитектура этого вокзала представляет особый интерес. Автор вложил высокую идею в образ вокзала: он задался целью создать своеобразный памятник героическим событиям Великой Отечественной войны. Декоративное убранство внутренних помещений вокзала выполнено в соответствии с этой идеей; в частности темой оформления зала офицеров являются эпизоды из исторической битвы советских войск на Курской дуге.

Созданный архитектором И. Явейном архитектурный образ Курского вокзала оказал значительное влияние

на практику проектирования целой серии вокзалов Московско-Курской железной дороги. Эти строящиеся вокзалы имеют тот же характер архитектуры, что и Курский вокзал, что следует признать правильным с точки зрения создания единства всех сооружений этой дороги.

Функционально здание решено интересно: в нем впервые введена система полного разделения пассажирских и багажных потоков. Сделан особый багажный проезд, который позволяет создать отдельные пути следования пассажиров и багажа не только в здании вокзала, но и на платформах.

Объемная композиция сооружения, построенная на принципе резкого подчеркивания центрального вестибюля вокзала крупной аркой, хорошо выявляет характер этого сооружения и вполне соответствует ему.

В архитектурную отделку фасада автором удачно введен цвет. В целом создано монументальное красочное сооружение. Однако принятое автором обрамление проемов крупным рустом с большим рельефом самих камней, одинаковое для окон и арок, чрезмерно утяжелило архитектуру фасадов, что привело к потере масштаба здания. Зрительно оно кажется более низким, чем есть в действительности.

Введение в архитектуру скульптурного оформления в виде ряда человеческих фигур, размещенных в два яруса по карнизным тягам центрального объема здания, также нельзя признать удачным. Это, скорее, пример неправильного применения скульптуры.

С большим мастерством и изобретательностью архитектор И. Явейн выполнил архитектуру интерьеров

Ленинград. Комплекс жилых домов в Автово. Перспектива застройки (корпуса 3, 2, 1). Авторы — архитекторы В. Каменский и Г. Ашрапян. II премия

вокзала, которые оставляют более целостное и гармоничное впечатление, нежели архитектура фасадов.

Вторыми премиями жюри конкурса отметило также законченные постройкой в 1952 году вновь восстановленные здания драматических театров в Сталинграде по проекту архитектора Н. Куренного и в Брянске по проекту архитекторов А. Лабуренко и Н. Скворцова. Хотя оба театра восстанавливались в старых габаритах, однако авторы проектов существенно улучшили планировку и внутреннее убранство основных помещений театров. Авторы вложили в архитектурную композицию этих зданий много мастерства и тонкого знания классики. Остается все же пожалеть, что они при этом не сделали попытки творчески переработать классические образцы.

Наряду с авторами этих театров жюри конкурса наградило второй премией архитектора Г. Кравцова за реконструкцию кинотеатра «Победа» в Новосибирске на проспекте Сталина и третьей премией архитекторов Е. Груздева и И. Чайко за реконструкцию кинотеатра в Ленинграде на 7-й линии Васильевского острова.

В обоих случаях реконструкция в первую очередь была вызвана градостроительными соображениями в связи с переходом на многоэтажную застройку магистралей, на которых расположены эти кинотеатры.

Архитектор Г. Кравцов подошел к реконструкции Новосибирского кинотеатра с широких градостроительных позиций, дав ансамблевое решение значительному отрезку магистралей.

Для того, чтобы придать зданию кинотеатра соответствующий вид, перед его фасадом был построен восьмиколонный портик-галерея крупного ордера. Эту своеобразную галерею автор проекта соединил с полукруглой каменной стеной. В результате была создана законченная архитектурная композиция, художественно оформляющая всю площадь перед кинотеатром. Следует при этом отметить очень эффектное введение в архитектуру экстерьера озеленения.

Примененный архитектором Г. Кравцовым прием пространственного решения реконструкции здания можно рекомендовать для использования при аналогичной ситуации в других городах.

Архитекторы Е. Груздева, И. Чайко умело реконструировали в Ленинграде здание кинотеатра на Васильевском острове, придав фасаду этого здания парадный вид лаконичными средствами. Авторы разработали четкую планировочную схему внутренних помещений и без излишних украшений достаточно богато оформили интерьеры.

Из других премированных авторов гражданских сооружений следует также назвать архитектора Е. Асса, по проекту которого построено здание школы на проспекте Энгельса в Ленинграде.

Архитектура школьных зданий должна быть идейно насыщенной, простой и выразительной, нести в себе лучшие черты советской классики. Именно поэтому всякая удача архитекторов в улучшении архитектуры школ должна быть учтена в школьном строительстве.

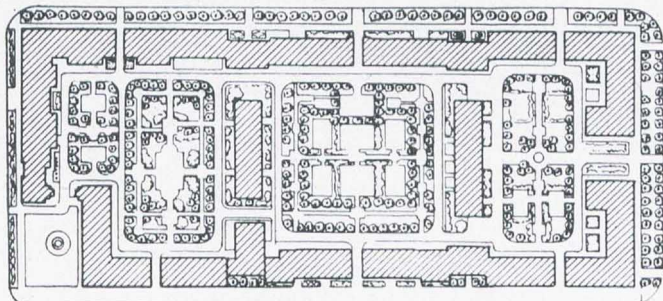
Арх. Е. Асс, переработав типовой проект школы на 880 учащихся, сумел сравнительно простыми средствами значительно улучшить архитектуру этого проекта.

Он расчленил здание по горизонтали на две части, придав двум первым этажам монументальный вид, а верх здания сильно облегчил путем обрамления групп окон тонкими хорошо прорисованными тягами и орнаментальными вставками между окнами. Благодаря достигнутому контрасту зданию придан красивый и торжественный вид.

Школьные здания должны занять большое место в застройке города. В соответствии с этим мы считаем, что крупные школы должны строиться обязательно на видных местах в жилом районе, не среди рядовой

Жилые дома в Автово (корпуса 2 и 1)

Проспект Стачек

План квартала

застройки, а на отдельных участках с устройством сквера перед школьным зданием.

Вторыми премиями награждены авторы проектов административных зданий в Архангельске (автор — архитектор Л. Писарев, соавтор — архитектор М. Кибирев) и в Брянске по улице Ленина, 37 (автор — архитектор Г. Спиридонов).

Московские архитекторы Я. Островский и А. Суриэ построили хорошее по архитектуре здание детского инфекционного корпуса на 200 мест. Эта работа отмечена третьей премией.

За удачное решение архитектуры и хорошее качество строительных работ отмечены также третьими премиями авторы проекта Дома культуры в г. Искитиме Новосибирской области архитекторы В. Добролюбов и С. Платэк и авторы проекта здания детского сада № 125 в г. Жуковском Московской области — архитекторы С. Сибрикова и Л. Станишевский.

Кроме награжденных премиями, почетные грамоты присуждены авторам и строителям 14 объектов, в том числе архитекторам А. Кулагину и В. Масленникову — авторам проекта здания железнодорожного вокзала во Ржеве, архитектору Л. Эбергу за проект административного здания «Ростовэнерго» в Ростове-на-Дону, архитекторам Н. Жижимонтову и П. Мурзину — авторам проекта здания клуба в г. Ухте (Коми АССР), строителям типовых школ на 440 учащихся в городах Черниковске и Куйбышеве и другим архитекторам и строителям.

Подводя предварительные итоги архитектурной практике в РСФСР за 1952 год, следует отметить, что наряду с достижениями в области архитектуры гражданских зданий немало построенных зданий клубов, административных и других общественных сооружений по своей архитектуре еще не удовлетворяют предъявляемым к ним требованиям.

Москва. Комплекс жилых домов на улице Левитана. Перспектива застройки. Авторы — архитекторы З. Розенфельд, А. Болонов, Н. Швец, инж. Л. Бренкевич. III премия

Так, например, неудачное по архитектуре здание железнодорожного вокзала в Новгороде построено архитектором И. Явейном, который, как отмечалось выше, создал яркий образ вокзала в Курске. Здесь же автор встал на совершенно неправильный путь механического переноса художественных форм новгородской монументальной архитектуры в современное здание железнодорожного вокзала. В итоге получилось заурядное подражание старой новгородской архитектуре.

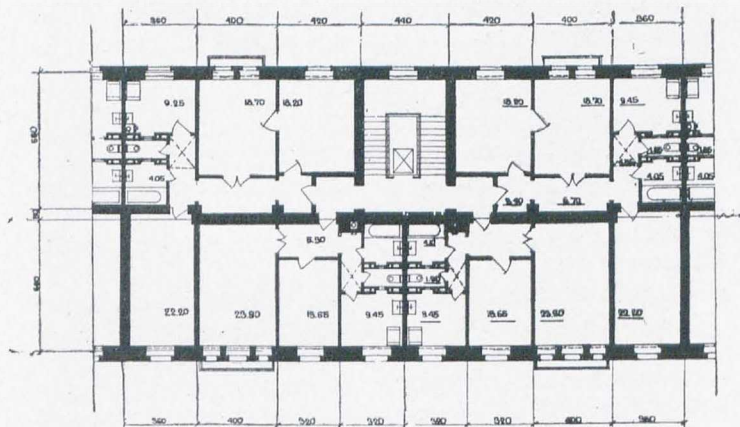
Также неудачны по архитектуре выстроенные административные здания в г. Грозном на углу улиц 11 августа и Механической (автор — архитектор Н. Шабаньянц) и в г. Ульяновске на углу улиц Карла Маркса и

Марата (автор — архитектор А. Бросман). При создании художественных образов этих зданий архитекторы не проявили художественного мастерства: здания по планировке и объемной композиции многосложны, а архитектурные детали не пропорциональны и плохо прорисованы.

На низком уровне мастерства выполнен проект здания лечебного корпуса санатория в Плесе Ивановской области архитектором В. Чащиным. Художественный образ этого здания примитивен, архитектурные детали грубы.

Указанные примеры свидетельствуют также о недостаточной требовательности к авторам со стороны органов по делам архитектуры, которые допускают к строительству неудовлетворительные по качеству проекты.

Из-за недостаточного внимания главных архитекторов городов общественные здания нередко размещаются с недостаточным градостроительным эффектом. Приведенный пример неправильной постановки здания Дворца культуры металлургов в Нижнем Тагиле не является единичным. В Затулинской части Кировского района Новосибирска хорошее по архитектуре здание клуба поставлено между жилыми домами на случайном месте, с отступом от красной линии на 10–12 метров, и поэтому плохо обозревается. В Омске Дворец культуры завода им. Козицкого хотя и поставлен в центре города, однако на второстепенной улице. Подобные же факты неправильного размещения общественных зданий наблюдаются в Куйбышеве и других городах РСФСР.

План жилой секции

Горький. Жилой дом на улице Коминтерна. Фрагмент фасада. Архитектор Ю. Бубнов. III премия

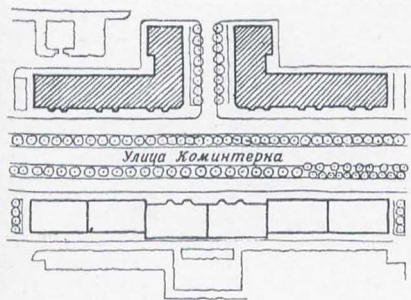

Схема плана застройки

Такая практика резко противоречит всем традициям русского градостроительства, для которого характерно максимальное выявление общественных зданий в городском ансамбле, постановка их на самых видных местах в городе — на возвышенностях и площадях.

* * *

В результате перехода советских городов на многоэтажное жилищное строительство перед архитекторами возникла сложная творческая задача — значительно поднять качество архитектуры типовых проектов 4–5-этажных домов, применяемых для массовой застройки крупных жилых комплексов. Но несмотря на проведенную архитекторами большую работу по проектированию многоэтажного жилья, итоги конкурса по архитектуре жилых домов значительно беднее, чем по архитектуре общественных зданий. Из 69 жилых комплексов и отдельных жилых домов, представленных на конкурсе 1952 года, было отмечено премиями только 9 объектов. При этом первая премия не была присуждена ни одному из авторов проектов жилых домов.

Из имевшихся по условиям конкурса четырех вторых премий жюри нашло возможным присудить только одну — по комплексу жилых домов на проспекте Стачек в Ленинграде, построенных по проектам архитекторов В. Каменского и Г. Ашрапян.

В комплексе входят три здания — два 6-этажных и одно 7-этажное в центре. Премирован, собственно, не весь комплекс, а только фланкирующие корпуса. В этих

зданиях, во-первых, найден правильный масштаб членений. Хорошие пропорции фасадов в сочетании с выразительностью декоративных элементов придают зданиям стройный и монументальный вид, что весьма ценно для архитектурного ансамбля магистрали. Именно с этой градостроительной точки зрения архитектурная композиция боковых зданий представляет большой интерес.

Досадно, что авторам не удалось гармонически объединить все три дома, что произошло из-за ошибочного архитектурного приема — чрезмерно усложненной композиции центрального здания. Боковые раскреповки на фасаде здания, украшенные почему-то пилястрами, резко вырывают этот дом из общей композиции.

Большой градостроительный интерес представляет комплексная застройка проспекта Молотова в Сталинске на отрезке 600 метров 4–5-этажными домами двух типов — рядового и углового. Проекты этих домов разработаны архитектором Н. Бровкиным.

На первый взгляд, такая застройка является смелым экспериментом, так как повторяемость одного типа дома в застройке нескольких кварталов зачастую приводит к монотонности застройки. Между тем в домах архитектора Н. Бровкина, при всей скромности их архитектуры, имеются несомненные градостроительные достоинства. Происходит это, повидимому, потому, что просмотреть весь фронт застройки улицы из одной точки невозможно — одновременно он воспринимается по частям, а целостно в перспективе лишь с отдаленной точки.

Ленинград. Школа на 880 учащихся на проспекте Энгельса. Архитектор Е. Асс. III премия

Этот минимум типов жилых домов благоприятно сказался на архитектурной целостности застройки, и если бы автор сделал бы более крупные членения фасадов домов, а не раздробил бы их большим количеством балконов, то впечатление от застройки проспекта было бы еще более благоприятное.

Правда, нужно оговориться, что большую положительную роль в ансамбле проспекта играет также благо-

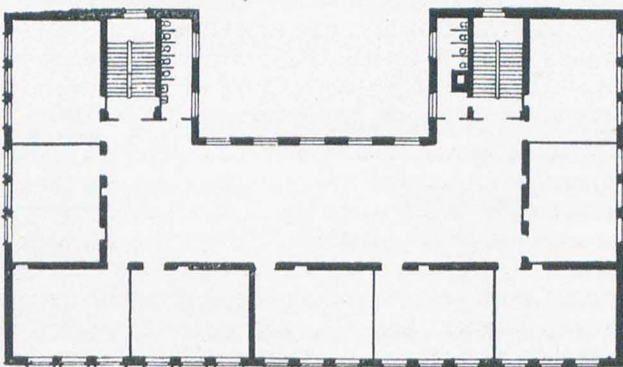
устройство и озеленение: два ряда зелени вдоль тротуаров и зеленая полоса по середине 52-метровой улицы в значительной мере улучшают ее вид. Автору проекта и коллективу строителей этого комплекса присуждена третья премия.

Третью премию жюри конкурса присудило также коллективу архитекторов и строителей комплекса жилых домов на улице Левитана в Москве (авторы проекта — архитекторы З. Розенфельд, А. Болонов, Н. Швец, инженер Л. Бренкевич).

Жюри отметило хорошую планировку этих жилых домов, внедрение сборных типовых элементов в отделку зданий, а также применение прогрессивных методов производства строительных работ.

В создание комплекса жилых домов на улице Левитана большой вклад внесло строительное управление треста Мосжилгорстрой, широко применив промышленные методы производства работ.

Многие строительные организации РСФСР в последние годы также перешли на прогрессивные методы производства строительных и отделочных работ. Но ограничиваться этим нельзя, так как промышленные методы строительства еще недостаточно внедрены, особенно в производство отделочных работ. Индустриализация строительства сейчас тормозится главным образом

0 1 2 4 6 8 м

План

из-за отсутствия типовых проектов многоэтажных жилых домов. Гипрогор, Горстройпроект и Специальное архитектурно-конструкторское бюро Мосгорпроекта затянули разработку этих крайне нужных проектов.

Жюри конкурса выдало еще 6 третьих премий за отнюдь не лучшее архитектурное решение трех многоэтажных и трех 2–3-этажных жилых комплексов. К сожалению, некоторые из этих зданий не представляют градостроительного интереса, так как — это «штучные» по архитектурной композиции дома.

* * *

Практика жилищного строительства 1952 года показывает, что некоторые архитекторы не занимаются творческими исканиями в области архитектуры жилых домов. Только этим можно объяснить, что архитектор Ю. Бубнов (г. Горький) использует однажды найденный удачно композиционный прием архитектуры фасада многоэтажного жилого дома, основанный на применении эркеров, во всех последующих своих проектах. Этим излюбленным приемом он явно злоупотребил в архитектуре 70-квартирного жилого дома на улице Страж революции в г. Горьком. Эркеры безотносительно к ориентации здания по странам света заполнили все фасады углового жилого дома.

В практике жилищного строительства 1952 года имеется немало примеров недооценки такого важного творческого вопроса в многоэтажном жилом доме, как архитектура фасада первого этажа.

Именно по этой причине 8-этажный жилой дом по улице Чкалова в Москве (авторы проекта — архитекторы И. Капель и Т. Заикин) архитектурно мало выразителен: первый этаж решен наподобие старых лабазных помещений — скупо и некрасиво.

Недооценив композиционное значение фасада первого этажа, к неудовлетворительным творческим результатам пришли архитекторы А. Валеев, Г. Солдатов и П. Саначин при разработке проекта 5-этажного 48-квартирного жилого дома в Казани по улице Куйбышева. Те же недостатки присущи и многим другим жилым домам, построенным в 1952 году в городах РСФСР.

Довольно распространенным недостатком архитектуры жилых домов является применение несвойственных жилому дому архитектурных форм. Наглядным примером этому может служить неудачная архитектурная композиция следующих жилых домов в Ленинграде: 116-квартирного 5–6-этажного дома на площади Кировского райсовета и 5-этажного дома на проспекте Стачек, 17.

Главным архитектурным элементом фасада первого этажа являются двухъярусные пилястры по всему фасаду и двухъярусные полуколонны в виде отдельных ризалитов — второго. Используя неуместный композиционный прием, авторы проекта чрезмерно утяжелили архитектуру домов, придали им вид нежилых зданий.

Чувство неудовлетворенности вызывает также архитектура многоэтажных жилых домов, построенных по проектам архитектора Г. Градова в Сталинске на Школьной улице и на проспекте Молотова. Несмотря на оснащение фасадов большим количеством эркеров, лоджий и балконов, характерного образа жилых домов все же не получилось. Дома эти выглядят неприветливо вследствие искусственности и особой нарочитости примененных элементов архитектурной отделки фасада и плохой их прорисовки.

Недостатки в архитектуре жилищного строительства 1952 года явились в значительной степени следствием того, что органы по делам архитектуры и проектные

организации не были достаточно подготовлены к разрыву многоэтажного жилищного строительства.

Сильно дает себя чувствовать в настоящее время отсутствие высококачественных типовых проектов многоэтажных жилых домов, которые могли бы сыграть большую роль в улучшении качества архитектуры.

При проектировании жилого дома, кроме решения художественных задач и внедрения индустриальных методов строительства, особое внимание должно быть обращено на благоустройство квартир, дворов и кварталов. Нередки случаи, когда при проектировании жилых кварталов архитекторы забывают об устройстве гаражей для индивидуального пользования, общеквартирных прачечных и других помещений хозяйственно-бытового назначения.

Хотя действующими санитарными нормами обусловлено, что жилые здания до 5 этажей могут строиться без лифтов, но несомненно, что это явление временное, вызванное недостаточностью производства предметов оборудования жилых домов. Вследствие того, что эти трудности вполне преодолимы в наших условиях, мы считаем необходимым предусматривать в типовых секциях для 4–5-этажных жилых домов возможность устройства лифтов.

В связи с осуществлением в стране гигантской программы жилищного строительства, в значительной мере многоэтажного, в архитектуре многоэтажных жилых зданий, естественно, наблюдаются сейчас трудности творческого роста.

В преодолении этих трудностей активное участие должна принять Академия архитектуры СССР путем широкой разработки творческих и технико-экономических проблем многоэтажного жилищного строительства и обобщения лучших достижений архитектурной практики.

Решение современного многоэтажного жилого дома представляет сложную творческую проблему — здесь сталкивается ряд требований, которые, на первый взгляд, могут показаться противоречивыми. С одной стороны, применение стандартных строительных конструкций неизбежно приводит к известному ограничению архитектурных приемов; с другой же, не только сохраняется, но и увеличивается справедливое требование, чтобы архитектура советского жилого дома не была безликой, чтобы она выражала черты прекрасного, без чего архитектура перестает быть искусством. При проектировании необходимо реалистически учитывать все эти требования, а также градостроительную ситуацию.

При застройке целых жилых районов, площадей и набережных нужно исходить из того соображения, что художественные качества застройки улицы решает не отдельный жилой дом, а гармония всего комплекса, достигаемая ритмическим чередованием архитектурных элементов и увязкой комплекса рядовой застройки с ведущим общественным зданием.

* * *

В 1952 году благодаря совместной работе советских архитекторов и строителей многие города РСФСР обогатились красивыми зданиями, являющимися достойными произведениями советской архитектуры.

Однако имеющиеся достижения не снимают важнейшей задачи, по-новому поставленной в настоящее время перед архитектурной общественностью и органами по делам архитектуры, — всемерно поднимать качество архитектуры всех видов зданий, с наибольшей полнотой удовлетворять высокие и справедливые культурные и бытовые запросы советского народа.

Дворец культуры металлургов в Нижнем Тагиле. Архитектор В. Емельянов. Главный фасад. План 1-го этажа (внизу)

Архитектура Нижне-Тагильского дворца культуры металлургов

Проблема архитектуры советского клуба является одной из важных проблем архитектуры общественных сооружений, поскольку в них наиболее ярко проявляются прогрессивные черты советской архитектуры. Советский рабочий клуб — это новый вид общественного сооружения, неизвестный в истории архитектуры прошлого. Нет, пожалуй, ни одного другого типа общественного сооружения, которое было бы так органично связано с новым строем, с идеологией победившего пролетариата. Формирование типа и образа рабочего клуба шло в советской архитектуре сомобытным путем, отражая на себе сложный путь развития всей советской архитектуры.

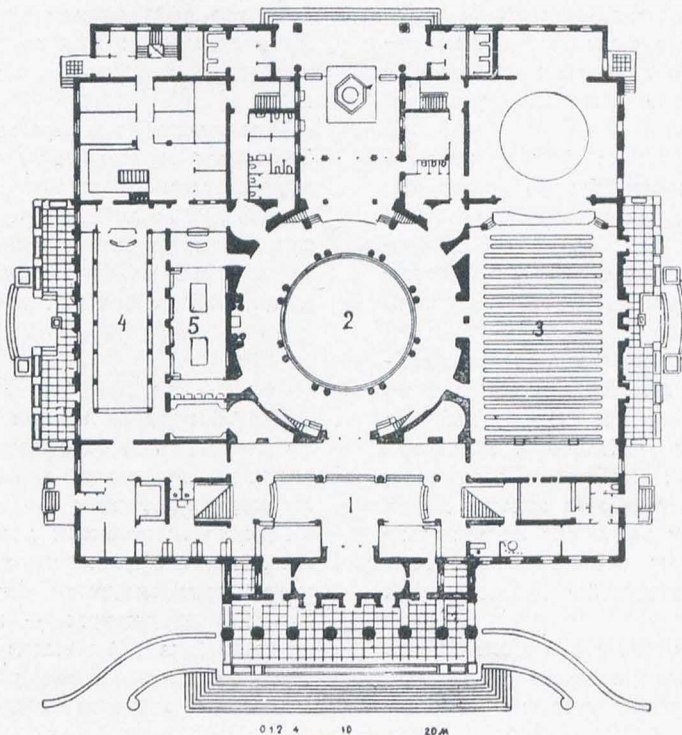
Интенсивное строительство рабочих клубов в СССР идет уже более четверти века, и за этот период постепенно складывались определенные принципы композиции этого нового вида общественных сооружений. Клубные здания,

которые строились в России до революции (дворянские, купеческие и т. д.), по своим функциям, по общественной и градостроительной роли имели очень мало общего с теми задачами, которым отвечают советские клубы.

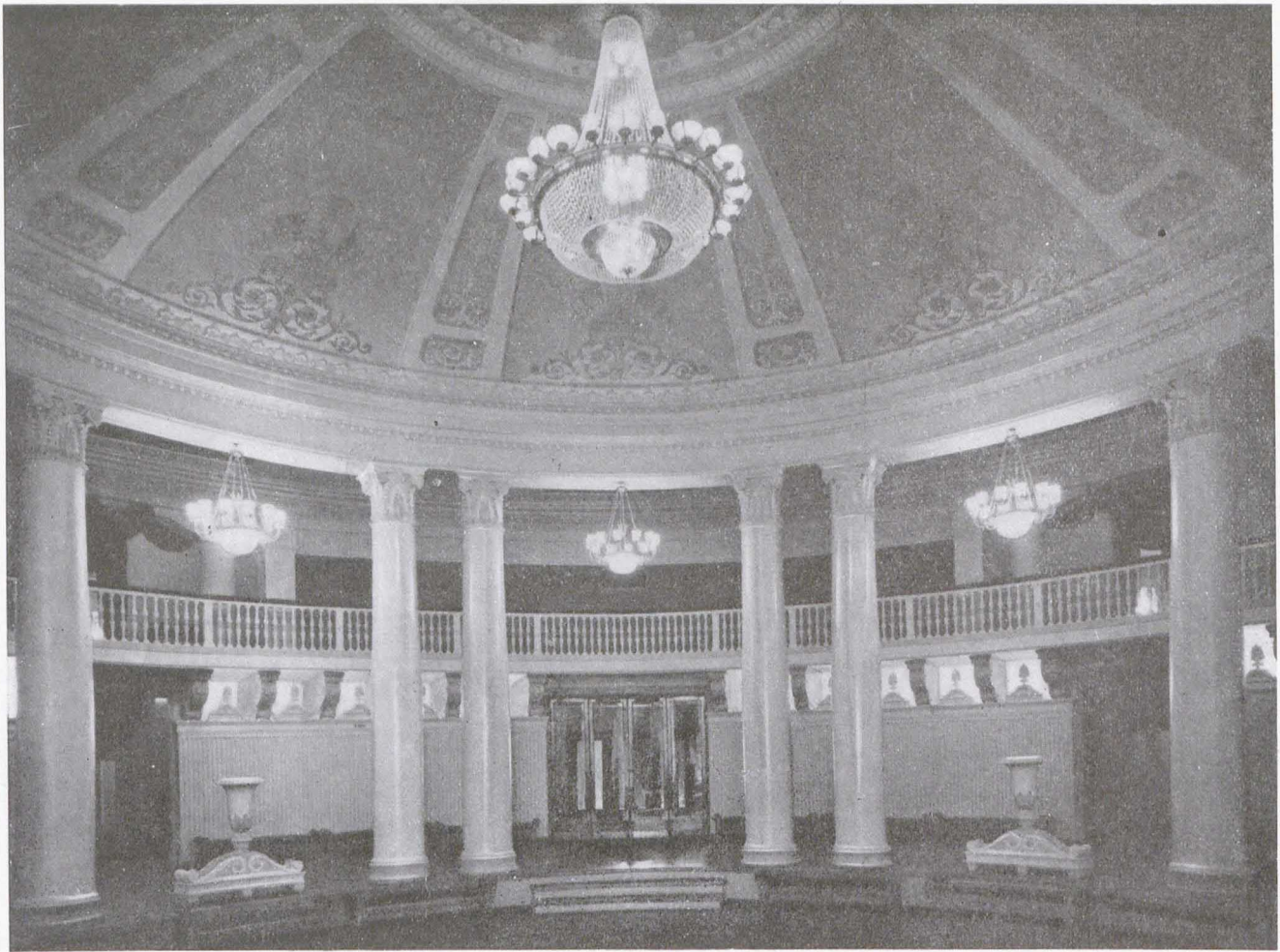
На первых этапах клубного строительства в Советском Союзе наряду с прогрессивными, реалистическими принципами в архитектуру клубных зданий просачивались извне формалистические течения.

Лишь в борьбе этих направлений был выработан в конце концов правильный реалистический подход к отысканию образа советского клуба, одним из удачных примеров которого является получивший первую премию на Всесоюзном конкурсе 1952 года Дворец культуры металлургов в Нижнем Тагиле, построенный по проекту архитектора В. В. Емельянова.

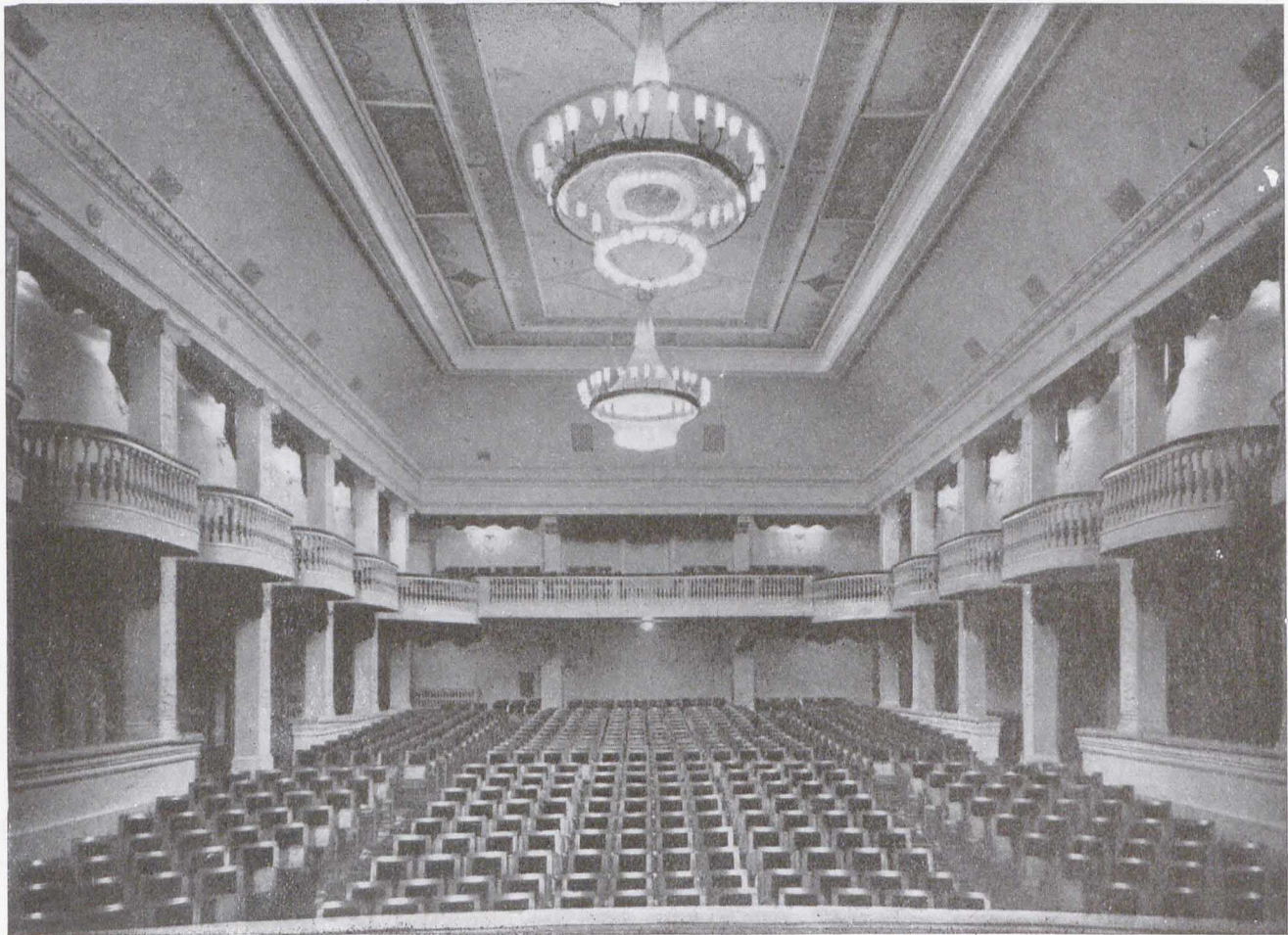
Дворец культуры металлургов представляет собой

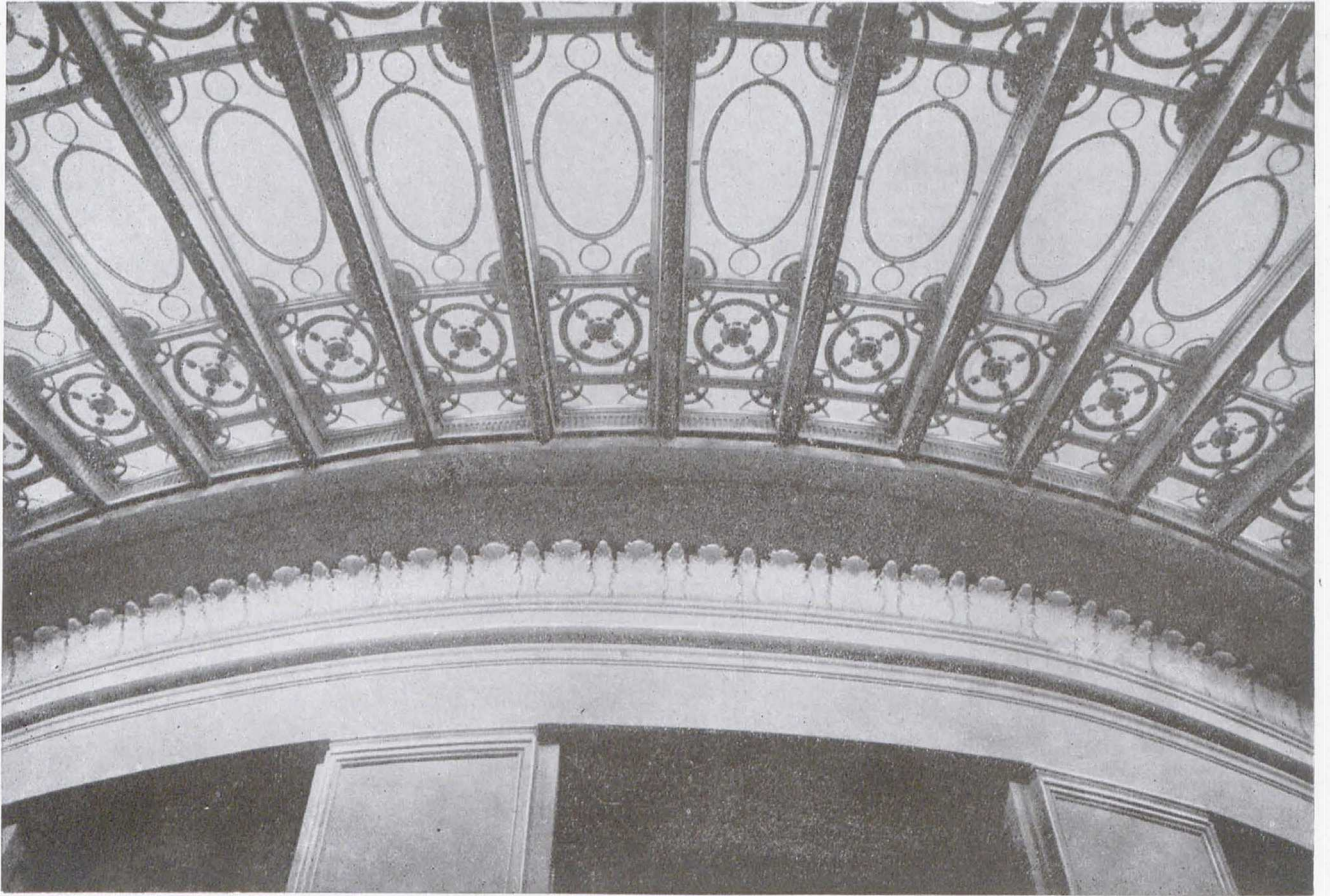
1 — главный вестибюль; 2 — фойе; 3 — зрительный зал; 4 — ресторан; 5 — бильярдная

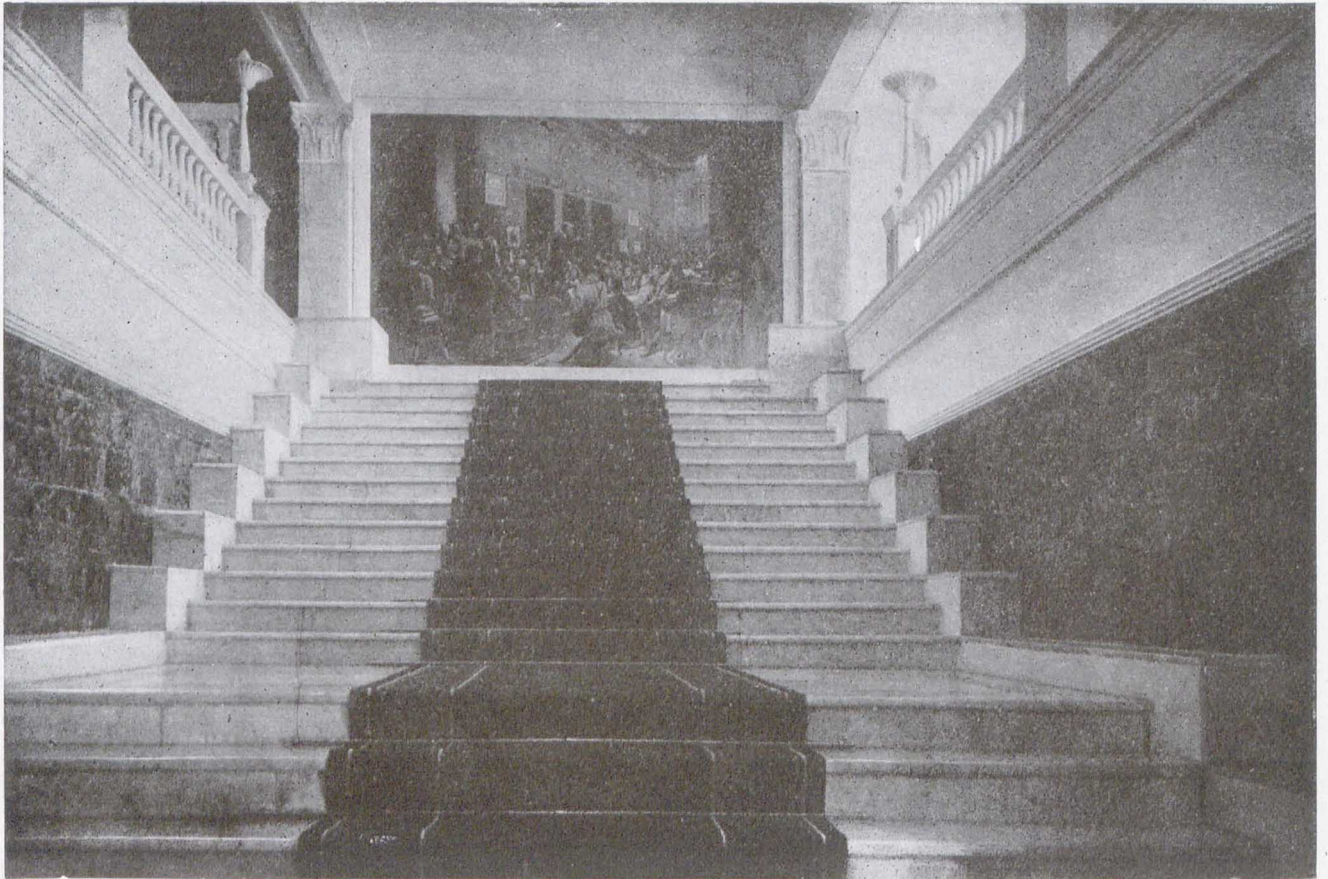
Главное фойе

Зрительный зал

Лекционный зал, Кулуары. Деталь плафона

Парадная лестница

сложный комплекс различных помещений, предназначенных для культурного отдыха населения крупного индустриального района. Основными помещениями дворца являются зрительный зал, почти на 1000 мест, с достаточно развитой сценой, большое круглое в плане двухсветное фойе с кулуарами, являющееся центром композиции интерьера 1-го этажа, спортивный зал размером 16,5 × 25 метров, значительный по размерам ресторан, расположенный над фойе конференц-зал на 250 человек и читальный зал с книгохранилищем на 50 тыс. томов. В здании имеется большое число кружковых комнат, в которых одновременно могут разместиться до 300 человек, и хорошо развитая группа вестибюля с гардеробом на 2000 мест.

Композиционный прием, разработанный архитектором В. Емельяновым, является результатом прогрессивных и упорных исканий советских зодчих в определении типа и образа советского клуба.

На первом этапе строительства клубов преобладал, как известно, так называемый дифференцированный прием композиции, когда клубный организм складывался из механически соединенных между собой отдельных павильонов (зрелищная часть, клубная часть, спортивный зал). Как реакция на этот прием возник «театральный» прием, когда весь организм клуба насильственно втискивался в предельно компактный объем, решенный по театральной схеме с преобладанием зрелищной части и с подчинением зрительному залу случайно размещенных и мало удобных клубных помещений. Прием, использованный и развитый архитектором Емельяновым, свидетельствует уже о найденном образе клуба как сооружения особого типа, где органически связаны разнообразные помещения, служащие одной цели — предоставлению хороших условий культурного отдыха трудящимся.

Достоинство этого приема в том, что при помощи его общественная роль клуба с его многогранным назначением и специфика клубного организма хорошо выявлены характерной объемно-пространственной композицией. Исползованные в Нижне-Тагильском Дворце культуры творческие принципы были в той или иной мере применены ранее в ряде клубных советских сооружений. Например, такой принцип организации клубного организма использован во Дворце культуры в Златоусте, построенном по проекту архитектора Братцева в период Великой Отечественной войны. Такая же примерно схема компоновки клубных помещений была предложена в типовом проекте архитектора А. Аркина. В этом случае парадный холл главной лестницы служит объединяющим началом для всех частей клуба.

В построенном по проекту архитектора В. Емельянова клубе новым является развитие этой идеи, а именно группировка всех помещений клуба вокруг центрального пространства.

Большим достоинством рассматриваемого сооружения является то, что здесь указанные выше композиционные принципы получили отражение не только в решении внутренней планировки, но во внешнем облике здания. Четкий, почти квадратный в плане основной объем здания завершается легкой ротондой, что хорошо подчеркивает основной принцип композиции — группировку всех частей клуба вокруг центрального холла. К окончательному решению автор пришел не сразу. Как видно из первых вариантов проекта, здание завершалось не ротондой, а квадратным в плане объемом, что в натуре было бы менее выразительно, трудней читаемо и меньше подчеркивало бы основную композиционную тему. Ценность этого архитектурного сооружения заключается и в том, что на нем можно иллюстрировать такой существенный для сооружения фактор, как единство формы и содержания. Принятая планировка и объемно-пространственное решение здания подчинены идее создания наилучших условий кол-

лективного отдыха, тесного дружественного общения советских людей. Автору проекта удалось преодолеть механический подход к группировке клубных помещений, еще имеющий место в нашем клубном строительстве. Дом культуры в Нижнем Тагиле — это живой организм, в котором каждый из секторов является закономерной и неотъемлемой частью целого.

Заслуга В. Емельянова в том, что им решена большая общественная и художественная задача — удачно найдены тип и образ советского рабочего клуба.

План и объемно-пространственное решение Дворца культуры в Нижнем Тагиле разработаны смелым новаторским приемом, ломающим многие установившиеся традиции в клубном строительстве. При наличии во дворце большого зрелищного комплекса в виде полноценного театра, а также большого спортивного зала, обширного ресторана и развитой вестибюльной группы не случайно центром композиции всего сооружения является центральный зал фойе, объединяющий все группы помещений дворца. Архитектурно-пластическое решение этого центрального зала в виде двухсветной ротонды с коллонадой из парных колонн, отделяющей кулуары от центрального объема, перекрытого куполом, выполнено так, что оно вполне соответствует назначению этого помещения как центра всей композиции. Следует также отметить, что это помещение выполняет значительно большие функции, чем обычное театральное фойе, и сам термин «фойе» далеко не полностью исчерпывает понятие его роли в композиции дворца.

Художественный образ здания в целом также выражает основное содержание клуба-дворца. Это подтверждается прежде всего композиционной согласованностью планового и архитектурного решения здания, гармоническим единством внутренней структуры сооружения с его внешними формами. Указанное позволяет считать, что здесь имеются предпосылки для создания архитектурного произведения, основанного на принципах социалистического реализма.

Понятно, что этих признаков единства еще недостаточно для того, чтобы считать данное или любое другое сооружение соответствующим принципам социалистического реализма, поскольку для этого необходимо не только единство содержания и формы вообще, а выражение социального содержания в национальной форме.

Можно ли утверждать о наличии во Дворце культуры социалистического содержания и национальной формы? Нам представляется, что мы имеем основания говорить в данном случае о проявлении этих основных принципов социалистического реализма. Национальная форма наличествует в архитектуре этого сооружения и достаточно последовательно развита. Архитектор, опираясь на русское классическое наследие, сделал удачную попытку дальнейшего развития его наиболее прогрессивных черт. Наличие именно русской национальной формы для общественного сооружения, построенного в уральском городе, вполне закономерно и свидетельствует о здоровой стилиевой направленности.

Использование портика крупного ордера как основного элемента фасада, подчеркивающего вход в большое общественное здание, каким является Дворец культуры, вполне оправдано. Восьмиколонный портик коринфского ордера на фоне широкой расчлененной окнами стены подсказывает зрителю, что за портиком находится не одно большое, а комплекс помещений различного назначения. Расположенная над основным объемом здания ротонда подчеркивает центрическую систему внутренней планировки. Этот композиционный прием является также и рациональным, поскольку он дает возможность объединить разнообразные помещения в цельный компактный объем. Таким образом, при наличии вполне определенной стилиевой характеристики,

здание Дворца культуры воспринимается как новая, ранее не встречающаяся композиция.

Известные ассоциации с лучшими произведениями великого русского зодчего Старова не снижают новаторского значения данного произведения.

С большой правдивостью и художественной логикой разработан интерьер Дворца культуры. Войдя внутрь здания, посетитель убеждается в том, что ротонда, венчающая здание, — не бутафория, что планировка здания действительно подчинена центральному помещению, имеющему вид круглого купольного зала.

Стилевое единство наружной архитектуры и интерьеров здания также усиливает впечатление цельности архитектурного образа здания, свидетельствует о правдивости и реалистичности его решения.

Использование традиций русской дворцовой архитектуры заметно и в анфиладной системе планировки основных групп помещений. Особенно этот прием эффективно применен в планировке первого этажа, где путем последовательного расположения свободно увязанных между собой помещений через вестибюль и фойе открывается вид на парк. Эта перспектива обогащает впечатление, способствует восприятию интерьера дворца слитно с окружающим его пространством. Система анфиладности использована в планировке и других групп помещений здания, например, читального зала.

Отмеченные достоинства архитектуры Дворца не означают, что в этом сооружении все одинаково совершенно. Справедливый упрек следует высказать автору проекта в первую очередь за внешнюю пластическую характеристику дворца. Центрическая композиция, получившая правильное выражение как в пропорциях плана, так в общем объеме и силуэте здания, по нашему мнению, пространственно еще недостаточно выразительна.

Наличие лишь одного портика на главном фасаде еще недостаточно для выражения принятой композиционной

темы. В здании центрического типа не требуется, по нашему мнению, так решительно выделять главный фасад. Наоборот, более правильно было бы по одному принципу решить архитектуру всех четырех фасадов, поскольку композиционное обогащение боковых фасадов здания значительно усилило бы его связь с окружающим пространством и придало бы большую выразительность всему сооружению.

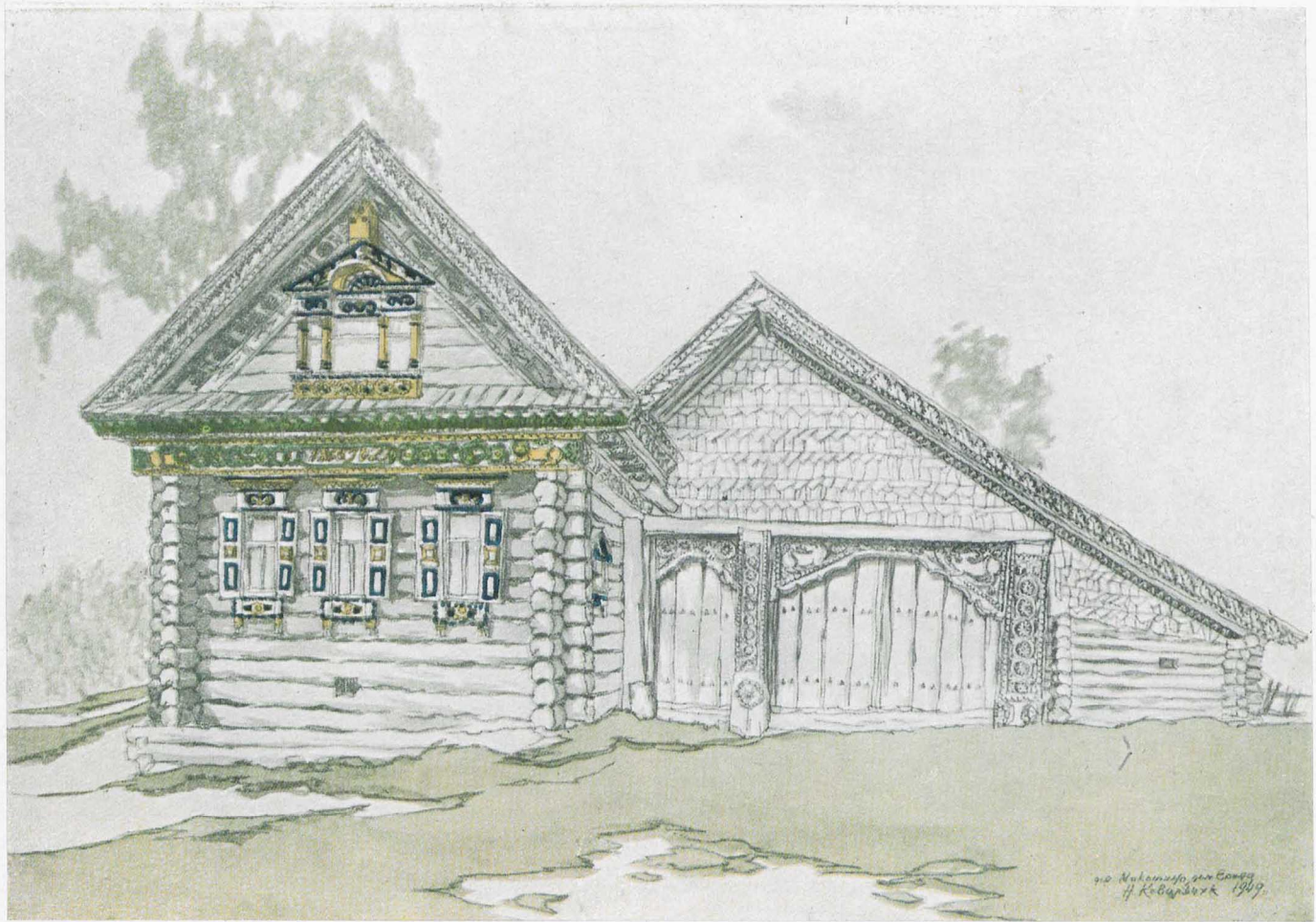
Неудачна в сравнении с остальными помещениями архитектура зрительного зала. При прямоугольной форме зала не рекомендуется устраивать боковых балконов, так как смотреть с них на сцену не совсем удобно. Столбы квадратного сечения расположены по периметру зала также неудачно: они загораживают сцену от части зрителей. Кроме того, эти столбы тяжелы и тектонически не оправданы. Стилиевая характеристика зрительного зала в целом выпадает из общей стилиевой направленности сооружения.

Технико-экономические показатели здания Нижне-Тагильского Дворца культуры в целом следует признать хорошими. Общий объем здания 51 000 кубических метров. Объемный показатель на одного зрителя в зале равен 53 кубическим метрам. Объемный показатель на одного посетителя Дворца культуры — 27 кубических метров. Для столь развитого клубного организма, каким является рассматриваемое здание, при соотношении площадей зрелищной и клубной частей 1:0,94, эти показатели являются закономерными. Объемный коэффициент (отношение строительной кубатуры к полезной площади), равный 7,5, свидетельствует о достаточно рациональной планировке, что объясняется удачно принятой композицией здания. Стоимость 1 кубического метра около 250 рублей для данного типа сооружения является нормальной.

В целом архитектура Дворца культуры металлургов справедливо заслужила высокую оценку, данную жюри Всероссийского конкурса архитекторов.

Кандидат архитектуры Н. УМАНСКИЙ

Жилой дом в деревне Мякотино Горьковской области. Рисунок архитектора Н. Ковальчука

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Неосвоенное наследство

А. И. ВЕНЕДИКТОВ
кандидат архитектуры

Проблема новой культуры, в которую как составная часть органически входит и архитектура, стала насущной тотчас же после победы социалистической революции в нашей стране.

В частности и вопрос об освоении художественного наследия совершенно справедливо был признан одной из основных проблем теории и практики советской архитектуры.

Уже в 1920 году В. И. Ленин дал ответ на возникший неотложный вопрос: «Без ясного понимания того, — сказал он в своей речи «Задачи союзов молодежи», — что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно построить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить».

Слова Ленина, исключительные по лаконичности, глубине и четкости, были понятны, как известно, не всеми и не сразу. В области архитектуры главными результатами неточного знания старой культуры, поверхностной ее переработки или же полного ее игнорирования остались унылые и серые коробки конструктивизма.

Дальнейшим развитием основополагающего указания В. И. Ленина было учение И. В. Сталина о культуре,

национальной по форме и социалистической по содержанию, и сформулированный им метод социалистического реализма.

Тверже и уверенней стал шаг архитекторов, которые вступили на правильный путь, руководствуясь этими указаниями. А теоретиками была сделана попытка выработать положения об освоении наследия, сводящиеся примерно к следующему: полное, глубокое и критическое изучение всего мирового наследия и особенно национального наследия, критический анализ наследия на основе учения Ленина о двух культурах с целью раскрытия в нем прогрессивных традиций, идей и форм, а также систем и принципов художественного мастерства; критический отбор всего ценного из наследия для решения стоящих перед зодчим архитектурных проблем; творческая переработка отобранного и его воссоединение в высшем синтезе с имеющимися уже достижениями советской архитектуры. Более того, были построены некие ступени нарастания глубины познания и мастерства творческого использования зодчим наследия.

Нет сомнения в пользе, которую могли бы принести архитектору перечисленные советы. Однако несомненны и трудности, которые встанут перед всяким, поже-

лавшим подняться по ступеням архитектурного мастерства.

В самом деле — по каким материалам возможно изучение мирового наследия? Какими методами следует производить критический анализ наследия и критический отбор из него всего ценного? Каким образом должны производиться творческая переработка отобранного и воссоединение его в высшем синтезе с достижениями советской архитектуры?

Теоретики архитектуры, занимающиеся проблемой освоения наследия, не дали пока ответа на все эти вопросы.

И, думается, будет бесполезным отметить в первую очередь хотя бы самые насущные потребности и направить внимание теоретиков, исследователей и практиков на то, что еще не изучено и не освоено и что следует изучить и освоить.

Прежде всего нужно напомнить о том, что советской всеобщей истории архитектуры до сих пор нет. В 1944 году Академия архитектуры СССР выпустила первый том многотомной «Всеобщей истории архитектуры», в 1948 году вышла в свет вторая книга второго тома, в 1949 году — первая книга того же тома; этим дело пока и кончилось.

Зарубежными изданиями, озаглавленными «Всеобщая история архитектуры» или «Всеобщая история искусств», этого пробела восполнить нельзя. В них непригоден не только текст, далекий, конечно, от подлинной научности, но вводят в заблуждение и иллюстрации, воспроизводящие обычно одни и те же памятники, выбранные тенденциозно и произвольно.

Ярким примером такого издания может служить «История архитектуры» Флетчера, переведенная на русский язык еще в 1911—1913 годах с пятого английского издания (другую «Историю архитектуры» — французского инженера Шуази — правильнее было бы назвать историей строительной техники). Презрительно игнорируя славянские страны, Банистер Флетчер уделил России всего лишь пять строк (изобилующих к тому же ошибками) в разделе «Византийская архитектура». А продолжающий дело отца Флетчер-сын, дополняя каждое последующее издание «Истории архитектуры» новыми воспроизведениями английских замков и американских небоскребов и в четырнадцатом издании, вышедшем в 1948 году, посвятил России те же пять строк — вдвое меньше места, отведенного на титульном листе книги на перечисление чинов и орденов покойного сэра Банистера Флетчера.

Таким «трудом» за неимением другого принуждены до наших дней пользоваться советские архитекторы. Каким же путем, спрашивается, возможно при существующем положении вещей рекомендовать советским архитекторам глубокое и критическое изучение всего мирового классического наследия?

Выходом из положения было бы ускорение темпов деятельности Института теории и истории архитектуры Академии архитектуры СССР, которому поручено издание и полной и краткой «Всеобщей истории архитектуры», расширение планов издательства, выпускающего книги по истории архитектуры.

Нужно издавать книги, альбомы и увражи, посвященные и целым странам и отдельным сооружениям. Нужно знакомить советских архитекторов с архитектурным мастерством и северных стран, таких, как Норвегия с ее своеобразнейшим деревянным зодчеством, и южных стран, например, Мексики и других стран Латинской Америки, где вопреки канонам, навязанным католическим духовенством и властью колонизаторов, народ создавал памятники архитектуры, исключительно самобытные, жизнерадостные, монументальные.

Нужно показать и в научных исследованиях и в популярных изданиях архитектуру близких и дружественных нам стран народной демократии. Между тем лишь в столичных библиотеках можно познакомиться с чехословацкими, польскими, румынскими изданиями.

Трудно сказать, каково будет построение и содержание дальнейших томов «Всеобщей истории архитектуры», в вышедших же в свет обоих томах среди недостатков, уже отмечавшихся в печати, следует еще раз подчеркнуть два, наиболее существенные.

Используя новейшие археологические исследования зарубежных авторов, составители обошли молчанием замечательные результаты советских археологических работ, освещающие по-новому связи между Западом и Востоком и между отдельными странами. Отсюда и второй недостаток труда — то, что он состоит из отдельных, не связанных друг с другом очерков, посвященных архитектуре разных времен и народов.

К сожалению, мало замеченным осталось издание, вышедшее в свет в 1951 году под заглавием «По следам древних культур». В богато иллюстрированной книге, представляющей образец научно-популярной литературы в лучшем смысле этого понятия, руководители советских археологических экспедиций подвели предварительные итоги выполненных ими работ.

Эти выводы настолько важны, а порой и неожиданны, что необходимо изложить их в самой краткой форме, предоставив слово самим авторам.

Т. С. Пассек, долгие годы изучающая Трипольскую культуру, созданную земледельческими племенами, жившими в Днепровско-Днестровском междуречье еще в III—II тысячелетии до нашей эры, рассказывает о результатах своих последних раскопок. Были найдены жертвенники и статуэтки женщин в широких юбках, подобные по форме и орнаменту древнекритским (так, жертвенник из поселения Владимировка Кировоградской области сопоставляется с жертвенником из дворца в Малии на Крите, датируемым серединой III тысячелетия до нашей эры). «Судя по женским скульптурам, найденным нашей экспедицией, — пишет Т. С. Пассек, — трипольские женщины умели украшать свои одежды, делать нарядные прически, носили бусы, любили изящную посуду и украшали свои жилища причудливой росписью, во многом напоминающей стенную роспись украинских хат». А глиняные модели жилищ и другие данные раскопок позволили реконструировать трипольские жилища, близкие, кстати сказать, жилищам древнейших обитателей Чехословакии и Болгарии.

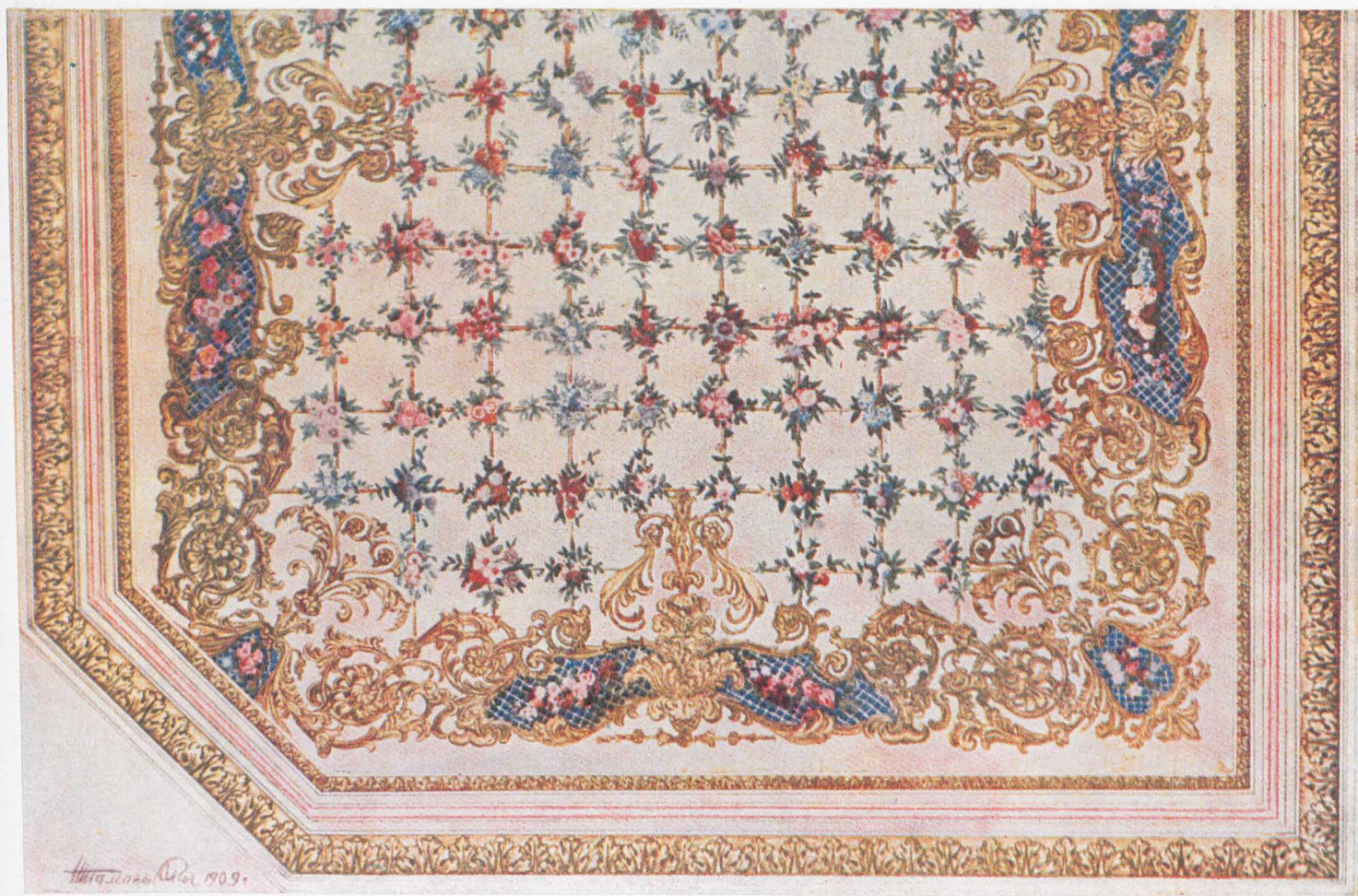
Б. Б. Пиотровский, исследователь материальной культуры государства Урарту, возникшего на территории современной Армении, рассказывает о последних находках в Кармир-Блуре близ Еревана, где находилась крепость и административный центр Урарту и где открыты в результате раскопок мощные оборонительные сооружения, дворцы, кладовые. Особенно важны выводы исследователя о связи урартов с киммерийцами и скифами, с которыми они совместно выступали против ассирийцев.

С. И. Руденко описывает раскопки курганов в алтайской долине Пазырык, где вечная мерзлота сохранила в течение 2½ тысяч лет трупы лошадей с седлами и сбруей, меховые и тканые одежды, оружие и утварь древних скифов, такие произведения искусства, как резьба, ковры, вышивки, ткани, изделия из золота, кожи и других материалов, не уступающие ничем произведениям античного средиземноморского искусства. Автор очерка вполне обоснованно делает такой общий вывод: «Значение открытой нами в Горном Алтае оригинальной и высокой культуры середины I тысячелетия до нашей эры выходит далеко за пределы истории собственно Алтая. Культура эта проливает свет на ряд важных вопросов, связанных с общей скифосакской проблемой, и вскрывает древние международные связи нашей страны с Передней Азией и Дальним Востоком» (в частности С. И. Руденко прослежены связи скифского культурного мира с Северным Китаем).

Скифам, о которых еще М. В. Ломоносов сказал, что среди «древних родоначальников нынешнего российского народа... скифы не последнюю часть составляют», посвящены и работы тавроскифской экспедиции. Ее руководители П. Н. Шульц и В. А. Головкина исследованиями столицы древнего царства скифов Неаполя-Скифского (на окраине современного Симферополя) опровергли господствовавшую в буржуазной науке точку зрения на скифов, как на диких кочевников, якобы не знавших городской культуры. «Скифы создали не только свое государство, но и свою городскую культуру», — пишут советские ученые. — «Мы знакомимся в Неаполе с памятниками скифской архитектуры, с его мощными оборонительными стенами и башнями, с исключительно интересными мавзолеем, парадными сооружениями, украшавшимися скульптурами, с его жилыми оштукатуренными домами, крытыми черепицей». Исключительно интересны скифские склепы, реконструированные исследователями саркофаг скифской царицы. Роспись на стене одного из склепов изображает бородатого скифа в высокой шапке и мягких сапогах. «На нем широкополый кафтан с откидными рукавами, напоминающий древнерусские кафтаны». А расписные ниши, дающие представление о скифских постройках, изображают жилища с двухскатной крышей, украшенной как бы вырезанными из дерева головами двух коней, обращенными в разные стороны. «Все это, — пишут авторы, — живо напоминает нам русскую избу с такими же резными коньками на такой же крыше». И правомерно считают особенно важным именно то, что «в характере скифских поселений и жилищ,

Резьба по дереву.
Русское народное зодчество.

Плафон в жилом доме № 14 по Первому Кадашевскому переулку в Москве. Обмерный рисунок архитектора Н. Тамонькина

в погребальном обряде (обычай хоронить в курганах и закапывать боевого коня), в скифских росписях, в предметах ремесла, в частности в посуде, деревянной резьбе, орнаменте, в одежде — мы находим все больше и больше общих черт с культурой и бытом древних славян».

Более широко известны исследования С. П. Толстова. Еще в 1938 году он начал раскопки памятников древнего Хорезма домусульманской эпохи. В 1945 году начались раскопки огромного замка-дворца Топрак-Каала площадью в 11 тысяч квадратных метров с башнями в 40 на 40 метров, вздымающимися на 25 метров. В замке были обнаружены монументальные росписи, монументальные скульптуры. После этого были исследованы и другие памятники древнего Хорезма. В настоящее время экспедиция Толстова продолжает работы.

В последнем очерке книги А. Ю. Якубовский пишет о домусульманской культуре Пянджикента VI—VIII веков нашей эры — культурного центра древнего государства Согдианы, обитателями которого были предки таджикского народа. Раскопки города Пянджикента, подавляющее большинство построек которого было монументальными зданиями, продолжаются.

В постройках своеобразнейшей архитектуры обнаружены замечательные росписи, разнообразные бусы, согдийские монеты и т. д. Продолжаются исследования и могильных склепов, в которых Якубовский усматривает прототипы мусульманских мавзолеев. Уже достаточно материалов, чтобы опровергнуть еще одну концепцию буржуазной науки, горячо поддерживаемую националистическими кругами Ирана и Афганистана. Согласно этой теории архитектурные памятники Самарканда, Бухары, Ургенча, Шахризбаса и других городов созданы мастерами, вывезенными по преимуществу из Ирана, сами же народы Средней Азии — таджики и узбеки — ничего, кроме подражания, в культуру Востока не внесли. В ответ на это советский ученый заявляет: «Теперь нельзя уже так беззастенчиво уверять, что в Средней Азии нет своей самобытной культуры: факты не только опровергают это, но в некоторых случаях переворачивают вопрос о приоритете в пользу среднеазиатских народов».

Советская археология, заслужившая право на первое место в мире, продолжает свое славное дело — каждый

год приносит новые открытия. Очередь за архитектурной наукой, которой придется осмыслить эти замечательные открытия и переписать совершенно по-новому очень многие главы всеобщей истории архитектуры. Советским же архитекторам (в особенности работающим в среднеазиатских республиках и Азербайджане и ориентирующимся по преимуществу на архитектурное наследие мусульманского периода) можно рекомендовать внимательно присмотреться к тому, что открыто советскими археологами в области домусульманской архитектуры, а затем бросить взгляд и за рубеж в сторону Дальнего Востока.

Требует серьезного изучения богатейшая архитектура Китая. Достаточно вспомнить лишь некоторые памятники, чтобы прийти к выводу, что изучение их могло бы принести пользу советской архитектурной практике.

Не должно остаться в пренебрежении зодчество и других народов. Так, археологические раскопки в Мохенджо-Даро, на нижнем течении Инда обнаружили большой благоустроенный город с правильной планировкой улиц, процветавший примерно с 3300 года по 2750 год до нашей эры. Уже совершенно иного характера, чем китайские, индийские высотные сооружения, своеобразные буддийские мемориальные постройки (как, например, известная «Большая ступа» в Санчи). Грандиозны индийские ансамбли, создававшиеся на протяжении веков до последнего сложнейшего ансамбля в Мадуре XVI—XVIII веков с его многочисленными постройками, семью оградами, тремя дворами и окруженным белой колоннадой «прудом золотых лотосов». Интересны и памятники «индо-мусульманской архитектуры», в которых новые черты гармонично сочетаются со старыми местными. Наконец, заслуживают внимания и мусульманские усыпальницы и мавзолеи с самым знаменитым из них Тадж Махалом в Агре.

Следует напомнить, что обоими народами, и китайским, и индийским, созданы и теоретические труды по архитектуре: китайский «Метод архитектуры» («Ин цзао фа ши») и индийская «Манасара», содержащие, кроме теоретических положений, и практические указания для строителей.

Свой вклад в общую сокровищницу мировой культуры внесли и другие азиатские народы. Известен хотя

бы по названию крупнейший памятник искусства Индонезии яванский Боро Будур: холм, увенчанный ступой и опоясанный террасами с реалистически выполненными рельефами, общим протяжением почти в пять километров, — тысячи мастеров создавали эти разнообразные скульптурные сцены из жизни и быта народа. И совсем неизвестна архитектура Вьетнама — древний город Мисен с постройками, украшенными замечательной скульптурой и резьбой, комплексе Донг-Дуонга. А по соседству в Камбоджии расположен мертвый город Ангкор Том с пятью тройными монументальными воротами, с башнями высотой в 20 метров, прямыми улицами, квадратный в плане и окруженный стенами (каждая сторона квадрата превышает три километра) и рвом (в 100 метров шириной). Неподдалеку же находится и Ангкор Ват — еще более грандиозное и замечательное сооружение, сочетающее храм, дворец и крепость: на трех образующих усеченную пирамиду террасах, окруженных концентрическими оградками-галереями, расположено главное здание с четырьмя башнями по углам и центральной пятой в 25 метров высоты; соперничает с яванской по мастерству и разнообразию изображенных сцен скульптура Ангкор Вата.

Полезно в изучении архитектуры и Запада и Востока неоспорима.

Не все благополучно и с освоением национального наследия великого русского народа. Выход в свет краткого курса «Истории русской архитектуры», несмотря на отмеченные в печати недостатки книги, в жизни советской архитектурной науки был все же событием (особенно ценен графический материал труда). Но одного краткого курса, вне рамок которого осталось еще очень многое, недостаточно. Даже вошедшие в краткий курс памятники требуют дополнительных исследований и публикаций. Еще слишком мало уважей с образцовыми чертежами и новейшими точными обмерами, освещающих отдельные выдающиеся памятники русского зодчества. И совсем нет хороших изданий, хотя бы альбомов, показывающих архитектуру отдельных русских городов.

Если в примерах ограничиться только Москвой, то нужно сказать, что до сих пор нет уважей, посвященных Пашкову дому и другим первоклассным памятникам московского классицизма. В немногих же изданных уважах использованы по преимуществу старые неверные обмеры. В краткий же курс «Истории русской архитектуры» вовсе не вошли многочисленные сооружения, которые по сравнению с шедеврами мирового значения признаются второстепенными, но представляют несомненный интерес.

В одной из своих статей главный архитектор Москвы А. В. Власов, охарактеризовав новую Москву, добавляет: «Но в новом городе во всю силу звучат и гениальные творения старых русских зодчих — Бармы и Посника, Баженова и Казакова, сотни старинных зданий, созданных руками безвестных крепостных мастеров».

Эти сотни зданий в большинстве своем остаются неопианными, неопубликованными и потому обычно не входят в поле зрения даже московских архитекторов. А между тем достаточно прогулки всего по двум неглавным улицам столицы для того, чтобы убедиться в многочисленности и значительности сохранившихся памятников московского зодчества.

За Москворецким и Чугунным мостами начинается улица, сохранившая старое название Большая Ордынка. Уже в самом ее начале, по левую сторону, во дворе большого и безликого по архитектуре дома сохранился дом первой половины XVIII века, со всеми признаками эпохи, образцов гражданской архитектуры которой осталось очень немного. А справа, в переулке, вздымаются изящные главы и стройная колокольня украшенной «петушиными гребешками» церкви Воскресения в Кадашах, одного из самых нарядных и гармоничных по пропорциям памятников московской архитектуры конца XVII века. Совсем рядом, на углу соседнего Кадашевского переулочка, стоит дом начала XIX века, сохранивший каменные ворота, классические лепные медальоны и тонкий орнамент на фасаде и отличные росписи плафонов в интерьерах.

Дальше по Ордынке — достаточно известная церковь Всех Скорбящих с колокольней Баженова и ротондой Бове. Против ее западного входа — небольшой «ампирный» домик с медальонами, а напротив, на другой стороне улицы, — более богатый дом того же времени с ионическими пилястрами на фасаде, несущими густо заполненный орнаментом фриз с грифонами и фронтоном с венками и лентами в тимпане (еще

более старый задний фасад с каменной лестницей выходил когда-то, повидимому, в парк).

Рядом господствует над всем районом один из наиболее выдающихся памятников русской архитектуры середины XVIII века — приписываемая ученику Ухтомского Евлашеву Климентовская церковь, каждая деталь которой достойна пристального внимания.

Направо от Ордынки, в Толмачевском переулке, — дом, приписываемый Казакову, с барельефными группами за колоннами фасада, с единственной в своем роде литой чугунной решеткой ограды со столбами, украшенными орнаментом в виде виноградных гроздьев. А дальше по Ордынке — старо-русские ворота живописного ансамбля Марфо-Мариинской обители, опыт освоения наследия новгородско-псковского зодчества, произведенный А. В. Щусевым уже в XX веке.

Почти напротив — церковь Николы в Пыжах с кокошниками «вперебежку» и шатровой колокольней — один из лучших образцов московской архитектуры середины XVII столетия. Дальше, по той же левой стороне улицы, — три постройки первой половины XIX века. В самом начале века сооружена б. Иверская церковь (иначе — Георгия на Всполюе) с колонным портиком и своеобразными тройными окнами с колонками в купольной ротонде. Рядом — дом, сохранивший снаружи фронтоном с гладким фризом, украшенным лишь скромными розетками над капителями пилястр, а внутри отличные барельефы — скульптурные группы над дверями. Неподдалеку редкий образец рядовой застройки первой половины XIX века — двухэтажный красный домик с кирпичным низом, деревянным верхом и белыми оштукатуренными колоннами между тремя арками фасада.

И, наконец, на другой стороне Ордынки — еще один архитектурный памятник середины XVIII века — выстроенная Бланком церковь Екатерины, сильно искаженная перестройками, но сохранившая характерные для своего переходного от барокко к классицизму времени купол, ордер пилястр, наличники окон и ограду с железными прутьями и вазами на каменных столбах. Четырнадцать самых разнообразных памятников архитектуры XVII—XX веков на одной только тихой улице Замоскворечья!

Более однородное, но не менее глубокое впечатление оставляет прогулка по улице Кропоткина (бывшей Пречистенке), где сохранилось не менее пяти превосходных памятников русского классицизма (если не считать особняков, разбросанных по арбатским переулкам). И один из лучших образцов архитектуры Григорьева и Жиларди — дом б. Хрущева с разными фасадами, и небольшой строгий особняк б. Станицких (Толстовский музей), и вошедший в Казаковский альбом дом, принадлежавший Голицыну, с более протяженным и сложным по формам фасадом, и бывшая пожарная часть и б. дом Степановых (где была Поливановская гимназия) — все эти интереснейшие постройки свидетельствуют о том, как разнообразен был московский классицизм конца XVIII и начала XIX столетий.

Когда же перечисленные жемчужины русского зодчества будут приведены в достойный их вид (на что потребуются не так уж много средства), они, вкрапленные в новую застройку, засияют еще ярче и украсят еще больше новые ансамбли социалистической Москвы.

Так много материала, все еще ждущего изучения и освоения! В одной журнальной статье невозможно даже перечислить все, достойное внимания, однако все же необходимо ввести и теоретиков и практиков советской архитектуры еще в одну область, самую обширную и плодотворную, обследование которой открывает самые широкие перспективы, поможет решить не только вопрос «что осваивать» в наследии прошлого, но и вопрос «как осваивать» это наследие.

«Самым высоким видом искусства, самым талантливым, самым гениальным является народное искусство», — сказал М. И. Калинин. Таково же и народное зодчество. Даже во второй половине прошлого века, когда городская архитектура правящих классов находилась в состоянии маразма, в деревне бережно охранялись художественные традиции и создавались произведения архитектуры, глубоко национальные и высоко художественные. Так было и на Западе и у нас, где каждая из наций, объединившихся позднее в Союз Советских Социалистических республик, ярко проявляла в области народного искусства и в частности архитектуры свои качественные особенности, свою специфику.

Без лишнего слов ясно, какое значение имеет народное искусство и в деле создания архитектуры, нацио-

Жилый дом на Б. Ордынке в Москве. Рисунок архитектора Д. Савицкого

нальной по форме и социалистической по содержанию. А между тем остается непростительно мало известным замечательное народное зодчество стран народной демократии, наших закавказских, среднеазиатских, прибалтийских и других республик, далеко недостаточно обследовано и наше национальное русское народное зодчество.

Архитекторы находятся в менее благоприятном положении, чем, скажем, музыканты. С XVIII века публикуются русские народные песни, и старыми сборниками Прача, Трутовского, Кириши Данилова и других пользовались еще «Могучая кучка». Позднее и сами композиторы собирали и обрабатывали народные песни: сборники Балакирева, Римского-Корсакова, Лядова до сих пор остаются образцовыми. А в наши дни не только композитор-профессионал, но и каждый радиолюбитель имеет возможность ежедневно слушать народную музыку в исполнении и хора Пятницкого и оркестров народных инструментов и других многочисленных хоров и ансамблей: Воронежского, Северного, Уральского и т. д.

Что же касается народной архитектуры, то она изучается и популяризуется до сих пор недостаточно. Лежат под спудом большие материалы Исторического музея. Не опубликованы и не показаны в широкой экспозиции результаты экспедиций Музея русской архитектуры имени А. В. Щусева, организованных по инициативе основателя музея академика Щусева, всегда проявлявшего интерес к народному искусству. Не изданы работы отдельных архитекторов — результаты творческих командировок и самостоятельных поездок в разные республики и районы.

Чтобы отвести упреки в голословности, достаточно назвать один сравнительно небольшой район Поволжья. «Высоки качества и архитектуры, — пишет об этом районе академик И. Э. Грабарь. Но самые обыкновенные вещи встретились в области деревянной резьбы. Русь издавна славилась резьбой, однако то, что довелось увидеть здесь, в волжских деревнях Костромской области, превзошло все ожидания. Страсть русского народа к узорчю, изобретательность, чувство меры и ритма в орнаментике именно в Поволжье нашли особенно широкое применение. Избы, покрытые резьбой, невелики по размерам, но могут соперничать по своему высокому искусству с дворцами, построенными великими мастерами. Имена этих ведущих народных зодчих-плотников могут быть поставлены рядом с прославленными именами профессиональных архитекторов».

В ходе первых экспедиций, которых, надо надеяться, с каждым годом будет все больше, уже выясняются эти имена; уже теперь в историю русской архитектуры должны быть вписаны имена Емельяна Степанова, умершего в 90-х годах XIX века 80 лет от роду, Семёна Удалова, скончавшегося в 1898 году в 86-летнем возрасте.

Необходимо ускорить сбор материалов в Поволжье в первую очередь и потому, что часть памятников раз-

рушается временем, другим же угрожает затопление после сооружения новых волжских плотин. Что же касается изучения собранных материалов, то оно приводит к выводам, способствующим решению широких и важных задач, стоящих перед советскими архитекторами. Главнейшие из этих выводов таковы:

Когда, начиная с середины XIX века, все к большому упадку клонилась городская архитектура и архитекторы-профессионалы бессильны были вывести из тупика свое искусство, в деревне не иссякал живой родник творчества, народ продолжал создавать произведения высокого искусства.

Сохраняя преемственность с глубокой стариной, русское народное зодчество не порывало с национальными традициями, а продолжало творчески развивать их в течение всего XIX века.

В то же время осваивался и перерабатывался привнесённый из города ордерный классицизм, и в результате были созданы произведения искусства, в которых народные формы и национальный орнамент органически сливаются с классическими без тени эклектики или стилизации.

Своими замечательными произведениями искусства народные мастера дают архитекторам уроки того, как осваивать, перерабатывать, развивать наследие: элементы, детали и орнамент классического ордера и «звериный стиль», идущий из глубокой древности в сочетании с растительным орнаментом, узоры которого подсказывает им родная природа (и в то же время декоративность никогда не становится самоцелью). В архитектурный синтез, отмеченный свойственным русскому народу художественным вкусом, безошибочным чувством пропорций, тонким декоративным чутьем, входят: план, композиция фасада, орнаментация и полихромия крестьянской избы, а в лучших избах — и отделка внутренних помещений, обстановка, предметы обихода. Подлинное освоение наследия прошлого прямо противоположно эстетскому любованию стариной, которое может привести лишь к архаизации, стилизации. И потому так поучительно творчество народных мастеров.

М. И. Калинину принадлежат и такие замечательные слова: «Мы знаем, что самые даровитые поэты, самые талантливые композиторы становились гениями в своем творчестве только тогда, когда они соприкасались с народным творчеством, когда они обращались к его истории».

Пушкин и Некрасов, Глинка и Мусоргский, черпая полными пригоршнями из живительного и неисчерпаемого родника народного творчества, смело шли вперед новыми проложенными ими путями искусства, создавали не перепевы старого, а произведения самобытные и полноценные.

К такому же смелому новаторству следует призвать мастеров советской архитектуры, перед которыми, как и перед всем советским искусством, поставлена почетная и ответственная задача создания советской классики.

Рецензии на книгу М. П. Цапенко „О реалистических основах советской архитектуры“¹

Публикуя рецензии на книгу М. П. Цапенко «О реалистических основах советской архитектуры», редакция просит читателей высказаться по основным теоретическим вопросам, которые затрагивает эта книга и рецензии

I

Выход в свет книги М. П. Цапенко «О реалистических основах советской архитектуры» является большим событием, которое привлекло внимание архитектурной общественности. Но наличие в книге наряду с правильными положениями и больших ошибок обязывает серьезно обсудить поднятые в книге М. Цапенко актуальные вопросы советской архитектуры.

Ряд положений в разделах книги является почти безоговорочно правильным. Положительно, например, начало книги — «Особенности творческого развития архитектуры в СССР». В нем многие тезисы материалистического понимания природы архитектуры четко сформулированы и сослужат большую пользу в борьбе против еще распространенного одностороннего, идеалистического понимания архитектуры только как искусства.

В этом отношении необходимо привести, например, такие высказывания автора: «В советском социалистическом обществе архитектура призвана удовлетворять разнообразные материальные и эстетические потребности народа» (стр. 23); «Архитектура, будучи искусством, относится и к явлениям материальной жизни общества. В этом заключается своеобразная двойственность архитектуры» (стр. 30).

Или далее: «Понимание архитектуры как искусства и одновременно как части материальной культуры общества дает ключ к объяснению исторического развития архитектуры вообще, в том числе и современного состояния архитектуры в странах капитализма».

Но затем автор расходится со своими правильными исходными положениями. Первые признаки отхода обнаруживаются уже в разделе «Поиски стиля в зодчестве предреволюционной России» (стр. 80—101). Здесь автор вопреки своим утверждениям рассматривает архитектуру только как искусство, даже не говоря о ее специфической природе. Поэтому оценка процесса развития архитектуры предреволюционного времени оказалась односторонней, поверхностной и во многом неверной. Так, например, автор рассматривает только вопросы стиля в архитектуре этого периода, отрываясь от других существенных сторон архитектуры, в том числе и от ее материального назначения, типов архитектурных сооружений того периода и т. д.

Приведенный в книге М. Цапенко материал о предреволюционной архитектуре вряд ли представляет большую ценность, а только показывает недостаточную последовательность автора, не смогнувшего применить своих правильных исходных положений к архитектуре предреволюционного периода.

Особенно серьезные отходы от научного понимания архитектуры начинаются с важнейшего в книге второго раздела о борьбе за реализм в советской архитектуре, где автор допускает искажение истории советской архитектуры. Встав на точку зрения изоляции всех архитектурных течений от влияния на них нашей советской действительности, забыв свои же исходные правильные положения, автор примитивно разделил все имевшиеся в те годы течения в архитектуре: с одной стороны, на полностью прогрессивные и положительные, как МАО, ЛОА и другие, приписав им историческую заслугу стойкой борьбы за реалистические основы советской архитектуры, и, с другой стороны, на полностью реакционные — отрицая за ними

какие-либо стремления к социалистическому реализму. Таким образом получается, что пролетарские организации в искусстве, как ВОАП, РАПП и др., в том числе и ВОПРА, безусловно формалистические, и появление постановления ЦК ВКП(б) изображается автором как бы для прекращения деятельности этих формалистических организаций. На самом же деле это постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (от 23 апреля 1932 г.) говорит совсем о другом, а именно:

«Несколько лет тому назад, когда в литературе лицо было еще значительное влияние чуждых элементов, особенно оживившихся в первые годы нэпа, а кадры пролетарской литературы были еще слабы, партия всемерно помогала созданию и укреплению особых пролетарских организаций в области литературы и искусства в целях укрепления позиций пролетарских писателей и работников искусства.

В настоящее время, когда успели уже вырасти кадры пролетарской литературы и искусства, выдвинулись новые писатели и художники с заводов, фабрик, колхозов, рамки существующих пролетарских литературно-художественных организаций (ВОАП, РАПП, РАМП и др.) становятся уже узкими и тормозят серьезный размах художественного творчества. Это обстоятельство создает опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности и от значительных групп писателей и художников, сочувствующих социалистическому строительству.

Отсюда необходимость соответствующей перестройки литературно-художественных организаций и расширения базы их работы».

Из этого видно, как неверно понимается автором книги смысл решения ЦК ВКП(б), которое привело к созданию единого Союза Советских архитекторов, не только потому, что все существовавшие тогда течения имели свои ошибки и свою ограниченность, а также и потому, что прогрессивные силы в каждом из них уже вставали на общую социалистическую платформу в области искусства.

Да и последующее развитие показывает, что прогрессивные силы советской архитектуры вышли отнюдь не только из МАО и ЛОА, как это пытается изобразить автор, а также и из конструктивистов, — например, братья Веснины, А. С. Никольский, А. П. Иванецкий и др., и из формалистов, например, В. Ф. Крицкий и др., а также и из ВОПРА, многие из которых являются ведущими деятелями советской архитектуры и в настоящее время. А изобразить процесс развития советской архитектуры, как это пытается сделать автор книги, — это значит искажать развитие советской архитектуры и процесс роста кадров в советской архитектуре.

В оценке конструктивизма 1923—1929 годов в книге высказывается много правильного, что должно знать и новое поколение архитекторов. Но эта критика очень многое теряет вследствие односторонней трактовки этого течения.

Говоря о второй части книги, посвященной некоторым проблемам советской архитектуры, следует отметить, что в разделе «Промышленность и город» высказано много правильного и полезного; например, о значении промышленности в развитии наших городов и о значении правильной структуры городов. Так же и в разделе об архитектуре жилища есть положительные

¹ Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, Москва, 1952.

мысли о значении правильного типа жилища и т. п. Но тем более досадно, что наряду с этим имеются срывы и отходы от материалистического понимания архитектуры и проявления шаблонного одностороннего, идеалистического понимания архитектуры. Так, например, среди проблем градостроительства главным подчас оказывается облик города, а не его всестороннее социальное и материальное назначение (стр. 152, 159, 160, 169). А в анализе развития архитектуры жилища главному, т. е. анализу типов жилища, по составу помещений, по планам, места не нашлось. Так, например, не раз повторяется неправильный для архитектуры, механически занесенный в нее термин из литературы и живописи «о жанрах» архитектуры, а на все развитие жилища приводятся планы только трех домов без какого бы то ни было их рассмотрения в тексте. Кроме того, видимо, для доказательства своей мысли о прогрессивности деятелей МАО и ЛОА протаскиваются мысли о благодати малоэтажного строительства (стр. 200 и 201).

И, наконец, последний раздел — «Образы общественных и высотных зданий» — еще более страдает односторонностью в рассмотрении произведений архитектуры и еще более отходит от правильных положений, высказанных в начале книги. Здесь разрыв с исходными установками уже совсем открытый, что показывает и сам заголовок и весь материал этого большого и важного по содержанию раздела. Сразу же напрашивается вопрос — почему же только образы? и как же можно их правильно понять, отрывая их от всех других сторон архитектуры, за которые так ратовал сам автор в начале книги?

Вполне естественно, что такой отрыв художественных вопросов архитектуры от других ее сторон, в том числе и от материального назначения зданий, не проходит безнаказанно и для решения самих художественных проблем, рассматриваемых автором. Такой односторонностью в постановке вопросов обесценивается даже и то положительное и правильное, что есть в этом разделе, так как оно получилось легковесным, неубедительным, несмотря на то, что излагается на основе известных общих положений о социалистическом реализме в искусстве, об отношении к наследию, об отношении к новой технике, об идейности в архитектуре и т. п.

Следствием этой односторонности является субъективность и противоречивость в выводах и оценках, в том числе большей частью в стиле юбилейных чествований.

Говоря о всей работе в целом, приходится особенно подчеркнуть существенный ее недостаток в том отношении, что, хотя данная книга посвящена реалистическим основам советской архитектуры, в ней недостаточно приведены важнейшие указания руководителей партии и правительства по советской архитектуре.

Помимо большого практического значения этих указаний, они имеют огромное значение для разработки теоретических проблем архитектуры, так как в каждом из них проявляется научное, материалистическое мировоззрение на вопросы природы архитектуры и на правильное понимание ее реалистических основ.

В результате недостаточной последовательности автора оказалось не вскрытым самое главное в архитектурной науке — специфичность и многосторонность понятия реализма и социалистического реализма в архитектуре и отличие от других искусств. В неразработанности этого вопроса основной корень всех ошибок оценки произведений советской архитектуры и выводов по ее историческим этапам.

Эта, проявившаяся во многих разделах противоречивость и непоследовательность автора в методологии не позволила ему правильно подойти к определению реалистических основ советской архитектуры. Только в одном месте автор дает общую формулировку метода социалистического реализма применительно к архитектуре. Он пишет: «Метод социалистического реализма — означает поиски архитектурных решений, наилучшим способом удовлетворяющих материальные и духовные потребности огромных масс народа» (стр. 195). Это хотя и правильное и очень важное положение, но в такой форме — далеко не полно и не охватывает все стороны и требования социалистического реализма в архитектуре. Так что основная задача книги вряд ли может считаться решенной удовлетворительно, особенно если учесть целый ряд ошибочных положений и выводов.

Несмотря на построение книги в исторической последовательности — от дореволюционного периода до наших дней, в книге нет показа становления социалистического реализма в советской архитектуре. И также в

характеристике творчества отдельных мастеров советской архитектуры (А. В. Щусева, И. В. Жолтовского, А. И. Таманяна и др.) нет показа его развития. Даже не показан в должной мере перелом в их творчестве в связи с Великой Октябрьской социалистической революцией.

Следует сказать несколько слов о подаче материала книги. Правильно упрекая архитектурные общества дореволюционного периода в одностороннем формалистическом подходе к архитектуре, говоря, в частности, что в ту пору «как правило, планы и разрезы проектируемых сооружений вообще не публиковались» (стр. 87), или, характеризуя формалистические направления 20-х годов, автор правильно указывает, что «практическая сторона архитектуры — рациональный план, технически грамотный разрез и т. д., просто не существовали для проектировщиков того времени» (стр. 111), автор однако сам оказался на этих незавидных позициях, ибо в его книге из 120 иллюстраций дано только 13 планов и ни одного разреза. Это можно объяснить только неуважением автора к своим же принципам.

В заключение можно привести высказывания самого автора, которые он, к сожалению, недостаточно учел в своей работе:

«Нам казалось необходимым так настоятельно подчеркнуть тесную связь архитектуры с материальной культурой общества не для того, чтобы принизить ее идеологическое, художественное назначение, а в противовес появлявшимся высказываниям, в которых содержалось странное, неправильное разделение архитектуры на художественную и утилитарную. Создается такое впечатление, будто для некоторых теоретиков принадлежность архитектуры к материальной культуре общества «принижает» архитектуру, низводит ее с вершин «чистого искусства» до уровня удовлетворения прозаических потребностей человека» (стр. 40).

«Надо отчетливо понять, что одни только узко эстетические мерки, да к тому изрядно устаревшие, недостаточны для того, чтобы давать широкие оценки гигантскому фронту нашей архитектуры, как важному участку общественной, государственной деятельности. Следует подчеркнуть, что при таких оценках нельзя упускать из виду особый характер архитектуры, являющейся не только областью искусства, но также областью экономической, технической, научной. Архитектура одновременно с решением идейно-художественных задач способствует решению таких проблем, как удовлетворение нужд трудящихся в жилье, как развитие школьного дела, здравоохранения, театрального искусства и т. д. Следовательно, архитектуру можно рассматривать только в ее единстве и как материальную и как идеологическую деятельность» (стр. 39–40).

Остается только пожелать, чтобы эти правильные установочные положения автора стали реализованными хотя бы в дальнейших работах, что наверно и будет осуществлено в ходе и под влиянием постоянно развивающейся замечательной жизни.

К. А. ИВАНОВ,
кандидат архитектуры

II

Вполне справедливы жалобы на скудность теоретической литературы по архитектуре. Если еще на страницах журналов время от времени мы читаем статьи по отдельным вопросам теории советской архитектуры, то уж на полках книжных магазинов такая книга — редкий гость. Поэтому можно лишь приветствовать появление книги М. П. Цапенко «О реалистических основах советской архитектуры». И в самом деле, выход в свет книги Цапенко может вызвать лишь самое горячее одобрение, тем более, что многие признанные мастера, имеющие солиднейший стаж творческой и научной работы, от которых мы вправе ждать капитальных теоретических работ, их все еще не публикуют.

Высказав свое положительное отношение к книге М. П. Цапенко в целом, попытаемся разобраться в некоторых ее положениях.

Прежде всего отметим, что автор справедливо рассматривает свою книгу как собрание очерков по теории архитектуры. Так оно и есть на самом деле. Если в главах: «Особенности творческого развития архитектуры СССР» и «Борьба за реализм в советской архитектуре» автор пытается дать общую критику развития архитектуры в СССР, то в главе «Некоторые проблемы советской архитектуры» автор останавливается на важных, но все же частных явлениях нашей архитектуры и градостроительства, а затем переходит к критическому рассмотрению отдельных лучших сооружений и тех, которые заинтересовали автора для подтвер-

ждения высказанных им теоретических положений. Фрагментарный характер книги особенно ясен именно во второй ее части.

Однако очерковый характер книги не может оградить автора от предъявления ему серьезных претензий.

Нам кажется, что, декларировав известную остроту суждений (во введении к книге), автор затем ограничился изложением беспорядочных положений марксистской эстетики в их применении к теории советской архитектуры: о закономерности связи «советского архитектурного искусства с материальной культурой социалистического общества» (стр. 22), о том, что «архитектура, будучи искусством, относится к явлениям материальной жизни общества» (стр. 30), что «архитектура каждого данного общества может быть правильно понята, только исходя из особенностей... материальной основы, т. е. способа производства, экономики общества» (стр. 36), что подлинным преемником всей архитектурной культуры прошлого выступает только советская архитектура и так далее.

Таких правильных высказываний в книге много. Было бы нелепо, конечно, ожидать, чтобы серьезная книга по теории архитектуры сплошь состояла из спорных положений или чтобы в этой книге не утверждались бы основные положения марксистско-ленинской науки. Необходимость именно в такой теоретической основе книги совершенно беспорядочна. Однако мы вправе ожидать более острой постановки важнейших вопросов архитектурной теории, вызывающей дискуссию.

Прежде всего следует остановиться на вопросе о специфике архитектуры, который не так давно был рассмотрен доктором искусствоведения И. Маца на страницах газеты «Советское искусство» (июнь, 1953 г.). Если Маца высказал, может быть и спорную, но зато вполне четкую мысль о неравнозначности понятий «красоты» и «художественности», а также подчеркнул, что ведущим признаком архитектуры является создание идейно-художественного архитектурного образа сооружения, то Цапенко склонен распространить понятие архитектуры как искусства на всю область строительства. Цапенко пишет: «Нам казалось необходимым так настоятельно подчеркнуть тесную связь архитектуры с материальной культурой общества не для того, чтобы принизить ее идеологическое, художественное значение, а в противовес появившимся высказываниям, в которых содержалось странное, неправильное разделение архитектуры на художественную и утилитарную. Создается такое впечатление, будто для некоторых теоретиков принадлежность архитектуры к материальной культуре общества «принижает» архитектуру, низводит ее с вершин «чистого искусства» до уровня удовлетворения прозаических потребностей человека.

А между тем такое ошибочное противопоставление двух нераздельных в своем единстве сторон архитектуры, высокомерное отношение к утилитарной функции архитектуры только как к обособленной стороне инженерии находится в противоречии с основами материалистического понимания искусства архитектуры» (стр. 41). И далее: «Это отлучение «неэстетической» архитектуры от архитектуры «эстетической», характерное для буржуазной архитектурной науки, позволяет буржуазным ученым обойти молчанием миллионы зданий массового назначения, т. е. абсолютное, подавляющее большинство существующих на земле сооружений — зданий жалких и безобразных, в которых в условиях капитализма вынуждено ютиться большинство человечества». Таким образом, Цапенко считает правильным отнести к числу «произведений архитектуры» и множество «жалких и безобразных» сооружений, пожалуй, только потому, что буржуазные теоретики не сочли возможным этого сделать.

Но никто, конечно, не будет возражать против утверждения автора, что подавляющее большинство построек капиталистического мира «жалко и безобразно». Далее автор доказывает, что, собственно, «жалкими и безобразными» в этом мире являются не только массовые постройки, но и все, даже самые грандиозные сооружения империалистической, глубоко реакционной и по содержанию формалистической архитектуры, которая давно потеряла право относиться к области искусства. Следовательно, автор не совсем прав, относя вопрос о «художественности» архитектуры к условиям эксплуататорских обществ.

Правда, сейчас же, переходя к условиям социализма и коммунизма, Цапенко правильно указывает на безграничные в этих условиях творческие возможности архитектуры, которые приводят к тому, что «с неуклонным ростом экономического могущества СССР все большее число производственных, утилитарных построек

будет обретать облик и значение крупных явлений искусства зодчества» (стр. 43).

Этим утверждением автор опровергает свое возмущение буржуазными теоретиками архитектуры, считающими архитектурой только «высокую» архитектуру и выбрасывающими за борт все «жалкое и безобразное». Едва ли и нам стоит включать в число «произведений» архитектуры различные «жалкие и безобразные» сооружения только потому, что они исторгнуты из ложа архитектуры буржуазными учеными.

Мы знаем другое: эти буржуазные ученые, по существу, исключают из искусства и, следовательно, из архитектуры ее подлинную основу — народное творчество, произведения которого отнюдь и не жалки и не безобразны; они вообще отрицают архитектуру как искусство, что достаточно ясно в соответствующих местах своей книги показывает и М. П. Цапенко.

Вероятно, нам нужно согласиться с другой мыслью автора, в которой он утверждает распространение в нашем обществе архитектуры как искусства на такие сооружения, которые ранее чаще всего никакого отношения к искусству не имели: промышленные сооружения, различные утилитарные постройки, массовое жилье и так далее.

Но для того, чтобы яснее понять существо этого, нам крайне нужно точнее условиться в вопросе о понимании специфики архитектуры. Если сам Цапенко, как мы видим выше, признает, что не все сооружения, даже в нашей практике, можно отнести к произведениям искусства, то, очевидно, следовало бы согласиться с Маца, что «ведущим признаком архитектуры является создание идейно-художественного архитектурного образа сооружения».

Трудно опровергнуть утверждение о том, что ряд сооружений, которые, будучи сами по себе красивыми (мост, плотина, доменная печь...), еще не являются произведениями архитектуры.

Только творчески созданный на основе метода социалистического реализма глубоко идейный, прогрессивный образ сооружения, вызывающий в советских людях высокие чувства и раскрывающий высокие идеи строительства коммунизма, превращает сооружение в произведение архитектуры, в произведение искусства. При этом следует подчеркнуть, что подобное «превращение» под силу только прогрессивному, общечеловеческому образу, способствующему построению коммунизма.

Чтобы закончить развиваемую нами мысль, следовало бы упомянуть и о том, что на современной, социалистической фазе развития общества уже невозможно создать прогрессивный художественный образ без учета всех, в том числе и градостроительных задач. Только на этом пути можно создавать сооружение, которое, неся в себе прогрессивные идеи, станет произведением искусства, произведением архитектуры.

С другой стороны, можно сказать и о том, что мы еще не создали необходимой почвы для того, чтобы можно было говорить как о массовом явлении об архитектурном ансамбле города. Еще существующая ведомственная организация строительства наших городов является иллюстрацией этой мысли.

Таким образом видно, что об этом важном вопросе архитектурной теории в книге М. П. Цапенко нет ясности.

Сказанное обусловило и второй недостаток книги — анализ важнейших произведений советской архитектуры без анализа их градостроительных связей.

В своих высказываниях о существе, формах и задачах советского градостроительства автор в общем прав. Однако, рассматривая высотные здания Москвы, Дом правительства в Ереване, здание Верховного Совета в Киеве и другие известные памятники советской архитектуры, автор ограничивается очень скудными указаниями на те градостроительные условия, которые определили их архитектуру. Такой подход снижает глубину анализа, а иногда приводит автора к необходимости не столько анализировать то или иное сооружение, сколько высказывать свое вкусовое отношение к его архитектуре. Например, говоря о доме на Можайском шоссе в Москве архитектора Ю. Емельянова и указывая на отсутствие композиционной увязки элементов здания, автор замечает: «Надуманность, манерность приема явны и несомненны (вероятно, только для автора книги — А. К.). Низ и верх здания спорят между собою». И далее: «Надо сказать, что верхняя часть здания, взятая сама по себе, решена сравнительно удачно; можно согласиться и с оригинальным завершением ее в виде своеобразного карниза, несмотря на некоторую его претенциозность. Однако в здании видны пережитки формализма» (стр. 228).

Большой раздел книги автор посвятил достаточно глубокому анализу борьбы за реализм в советской архитектуре. Нельзя не согласиться, что «именно борьба социалистического реализма с формализмом и утверждение социалистического реализма составляют основу истории советской архитектуры» (стр. 79).

Рассматривая эту историю в свете достижений марксистско-ленинской философии, автор убедительно показывает, что «Никакого идейного господства конструктивистов в нашей архитектуре по сути дела не было и быть не могло, ибо совсем иные процессы происходили в человеческом обществе, совсем иные начала лежали в основе развития архитектуры, социалистической по содержанию и национальной по форме» (стр. 146). И далее автор говорит: «Можно утверждать, что в конечном счете, конструктивистский формализм представлял собою явление, пребывавшее где-то на задворках культурного развития советской страны, в стороне от больших дорог этого развития. Вопреки конструктивизму, а не благодаря ему, совершался процесс поступательного развития советского зодчества, как зодчества социалистического государства, строились новые типы общественной и массовой архитектуры» (стр. 147).

Можно только подтвердить мнение автора, что нельзя относить к конструктивизму многие постройки тридцатых годов только потому, что формы этих построек отличались предельной простотой. Но трудно с ним согласиться, что эта «простота» явилась только результатом относительной экономической слабости советского государства.

Несомненно, что процесс борьбы между социалистическим реализмом и формализмом был гораздо сложнее, чем это получилось в изложении Цапенко, и что глубокий анализ этого процесса представляет для нас — советских архитекторов — особый практический интерес, так как мы далеко еще не покончили с проявлениями формализма в нашей архитектурной практике.

М. П. Цапенко говорит в своей книге, что «конструктивизм был в советской архитектуре явлением чуждым, временным и далеко не главенствующим...». «В СССР всегда существовало и с каждым годом набирало силы поддерживаемое партией направление архитектуры социалистического реализма, которое связывало новое идейное содержание советского зодчества с поисками реалистических и художественных образов и форм».

«Направление архитектуры социалистического реализма питалось и укреплялось всем ходом победоносного строительства, активно и любовно поддерживалось партией, воспитывалось и вырабатывалось ею. Именно это направление одержало окончательную творческую победу в период 1932—1936 гг. и начисто изгнало конструктивизм из советской архитектуры» (стр. 147). Все это очень правильно, за исключением нескольких последних слов. Ясно и увлекательно раскрывая историю борьбы между социалистическим реализмом и формализмом, показывая передовую роль мастеров-реалистов — Фомина, Щуко, Щусева, Таманяна, Жолтовского и других, роль коммунистической партии в победе социалистического реализма в советской архитектуре, Цапенко вместе с тем недооценивает опасность проявлений формализма в современной архитектуре. Если, допустим, можно согласиться с тем, что конструктивизм как стиль изгнан из нашей архитектуры, то, к сожалению, этого нельзя сказать о формализме в целом. Конечно, ему перед лицом подлинной архитектуры социалистического реализма неудобно показываться на свет в своем, так сказать, «голом» виде, но все же велика опасность его проявлений, тянущих советскую архитектуру назад, приводящих к бесполезной трате народных средств.

Недооценка опасности формализма привела еще к одному недостатку книги Цапенко. Мы имеем в виду

то, что для анализа автор выбрал только положительные примеры.

Важнейшей задачей нашей сегодняшней архитектурной критики является безжалостная борьба с проявлениями формализма. Решению этой задачи книга М. П. Цапенко «О реалистических основах советской архитектуры» помогает не в полную силу.

М. П. Цапенко много страниц своей книги посвятил рассмотрению национальной формы советской архитектуры. Хотя изложение этого вопроса носит несколько несистематичный характер, все же можно установить правоту высказываний автора. Мы с особым удовлетворением повторяем слова автора о том, что «общенародный характер социалистического зодчества в СССР означает также возрождение и развитие национальных форм зодчества, что является новым, прогрессивным фактором в истории мировой архитектуры» (стр. 51). Мы не можем не согласиться и с тем, что «социализм положил конец двойственности культуры и послужил основой для формирования единого общенародного искусства, социалистического по содержанию и национального по форме, создаваемого на основе реалистического творческого метода» (стр. 50).

Детальное рассмотрение этого вопроса приводит автора к выводу, что «истинно национальными формами могут быть только те формы, которые обращены не к прошлому, а к настоящему и будущему и отвечают реальным запросам советского народа» (стр. 64)

Вместе с тем он лишь бегло пишет о причинах яркого выявления национальной формы в архитектуре среднеазиатских республик и Кавказа, с одной стороны, и слабого, по его мнению, выявления этой формы в архитектуре РСФСР и УССР, с другой стороны, объясняя этот факт более разрушительным действием капитализма на русские и украинские национальные формы архитектуры, в связи с его более значительным здесь, по сравнению с Кавказом и Азией, развитием.

В этом объяснении есть два слабых места: во-первых, согласившись с автором, придется согласиться и с прогрессивным характером изветного канонизирования архитектурных форм периода феодальной раздробленности в архитектуре среднеазиатских и кавказских республик и, во-вторых, признать, вопреки фактам, отсутствие национальной формы в архитектуре, например, Советской Украины, понимая, конечно, под этой формой отнюдь не применение в отделке зданий элементов народного орнамента.

Ясно, что с этими двумя положениями согласиться нельзя. Национальная форма в архитектуре среднеазиатских республик чем дальше, тем больше уходит от копирования форм древней национальной архитектуры, а архитектура, скажем, Украины получает все больше ярких национальных черт, понимая под последними выражение подлинного национального духа именно советского украинского народа.

Книга М. П. Цапенко «О реалистических основах советской архитектуры», несмотря на ряд существенных недостатков, часть из которых мы рассмотрели в этой статье, вызывает много мыслей, по поводу которых хотелось бы еще не один раз обменяться мнениями. Вопросы, рассмотренные в этой книге, в своем большинстве это животрепещущие вопросы развития советской архитектуры, которые волнуют не только советских архитекторов, но и всю советскую общественность. Недаром местами язык книги становится очень взволнованным.

Заканчивая, мы можем повторить то, что сказали в начале: очень еще мало у нас книг по теории советской архитектуры и советского градостроительства. Книга М. П. Цапенко очень нужная и в целом хорошая книга. Хотелось бы, чтобы за нею последовало много таких же нужных книг.

А. КАСЬЯНОВ
Член-корреспондент Академии
архитектуры Украинской ССР

Новый санаторий в г. Гагре

Новый санаторий в г. Гагре, постройка которого закончена в 1953 году по проекту архитектора А. Алхазова, расположен на побережье красивой морской бухты.

В основе объемно-пространственного построения комплекса и его планировки лежала мысль об органической связи архитектуры с окружающей природой, имеющая особенно важное значение в строительстве санаториев.

Архитектура санатория призвана создавать такие условия, которые давали бы возможность максимально использовать для лечения и отдыха трудящихся все многообразные природные оздоровительные факторы — свежий воздух, солнце, море, растительность, красивые виды. Таким пониманием смысла архитектуры, связанным с внедрением учения И. П. Павлова в практику лечебно-оздоровительной работы, проникнуто решение всего комплекса.

Протяженность санатория вдоль побережья позволила обратиться к морю наибольшее количество помещений. К нему обращены все спальные комнаты, раскрыты галереи столовой и корпуса для семейных; к морю, через двойной ряд красивой колоннады, раскрыты центральный вестибюль и холлы верхних этажей, обращено фойе зрительного зала.

Горизонтальная протяженность всего комплекса и система членений гармонично связывают его с побережьем и морем.

На всех этажах перед спальными комнатами и помещениями общественного назначения устроены просторные галереи и лоджии, защищающие их от перегрева и создающие благоприятные условия для длительного пребывания больных на воздухе. Галереи придают сооружению легкость, связывают внутреннее пространство с внешним и обогащают композицию. Освежающие морские бризы делают пребывание в таких галереях особенно приятным и полезным.

В архитектурно-композиционном решении галерей, построенных перед фронтом жилых комнат центрального объема, применен мотив аркады, которая объединяет первый и второй этажи. Аркада связывает единым масштабом фронт мелких

жилых комнат и больших помещений вестибюля столовой и придает всему комплексу масштаб и характер общественного сооружения. Аркада завершена на третьем этаже легкой колоннадой.

Особенно уместно устройство открытой галереи перед залом столовой: в жаркое время обеда можно переносить в галерею. Красивые архитектурные формы галереи, ее близость к морю, бодрящий морской воздух, открывающийся с галереи замечательный вид — все это создает самую благоприятную обстановку для питания отдыхающих.

Большое внимание уделено автором созданию красивых видовых перспектив. Особенно красивый вид открывается через двойной ряд колонн из центрального вестибюля и холлов. Перед зрительным залом устроена специальная видовая площадка — терраса. Наконец, великолепный вид на море и горы раскрывается с верхних площадок башен.

Многочисленные выходы из здания, устроенные с различных его сторон, создают условия простого и непосредственного перехода из внутренних помещений в парк, что очень важно для санатория. Например, из правого бокового корпуса можно выйти через вестибюль со стороны центрального курдонера, непосредственно из гостиной со стороны шоссе, сбоку через ротонду и т. д.

Во внутренней планировке корпусов автор также стремился добиться постоянного ощущения связи архитектуры с окружающей природой. При движении от боковых корпусов к центру (в котором на 1-м этаже удобно расположена лечебная группа, а на верхнем размещен зрительный зал) отдыхающий идет по переходам, откуда открываются виды на обе стороны парка, затем по светлому коридору и, наконец, попадает в центральную часть, раскрытую огромными проемами в сторону моря и шоссе.

Спорным является расположение столовой. В хорошую погоду в нее можно пройти через парк. Но в дождливый день отдыхающим приходится идти по коридорам, а этот путь достаточно длинный и утомительный. Вместе с тем надо отметить, что столовая предельно при-

ближена к морю; удобно организован подвоз продуктов к кухне, а сама кухня полностью изолирована от спальных помещений.

На сравнительно небольшом участке, в 7 гектаров, благодаря рациональной планировке созданы зоны различного назначения. Перед основным корпусом устроен для прогулок регулярный партер с низкими, не загораживающими вид на море посадками и с широкими сходами на пляж; с правой стороны корпуса (в сторону шоссе) создана для отдыхающих живописная площадка с группами высоких деревьев, перевезенных сюда из различных мест побережья; с противоположной стороны устроена группа спортивных и игровых площадок (теннис, волейбол, городки и др.), окруженных высокими зарослями бамбука. Расположенные за ними посадки цитрусовых (лимонов и мандаринов) отделяют хозяйственный двор от остальной территории парка.

Хозяйственный корпус, в котором размещены котельная, гараж и прачечная, построен в виде компактного объема, изолированного от мест пребывания отдыхающих. За хозяйственным корпусом расположен жилой дом обслуживающего персонала.

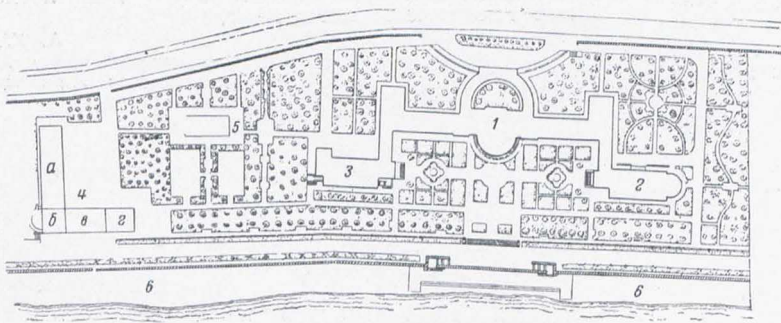
Подобная планировка участка не только изолирует хозяйственную жизнь санатория от парка, предназначенного для отдыхающих, но и дает возможность организовать должный режим разнообразных групп больных во время их пребывания на воздухе: тихие площадки для отдыха отделены от мест шумных игр, а вместе они отделены от обращенного к морю партера.

К сожалению, пока еще ничего не сделано для создания благоприятных условий климатолечения на пляже. Здесь надо оборудовать солярии и аэрации.

В общей правильно построенной композиции комплекса имеются недостатки. Относятся они, главным образом, к архитектурному решению отдельных фрагментов.

Сильно преувеличены, чрезмерно развиты аркада и ордер полукруглого дворика, выходящего в сторону шоссе. В целом хорошо задуманная приемная площадка для приезжающих оформлена настолько пышно и торжественно, что в известной степени снижается значение главного фасада, выходящего к морю.

Башни, удачно расположенные по сторонам курдонера и как бы закрепляющие всю композицию комплекса, к сожалению, не связаны с архитектурой всего сооружения. Нижнему ярусу аркады, проходящему вдоль корпуса, лишь очень условно отвечают приставные спаренные колонны, несущие чисто декоративный характер. Ярусу легкой галереи также условно отвечают спаренные приставные колонки. Декоративный характер обработки башен с ордером, приставленным к их телу, не соответствует строгому, тектонически оправданному и логичному применению ордера во всех

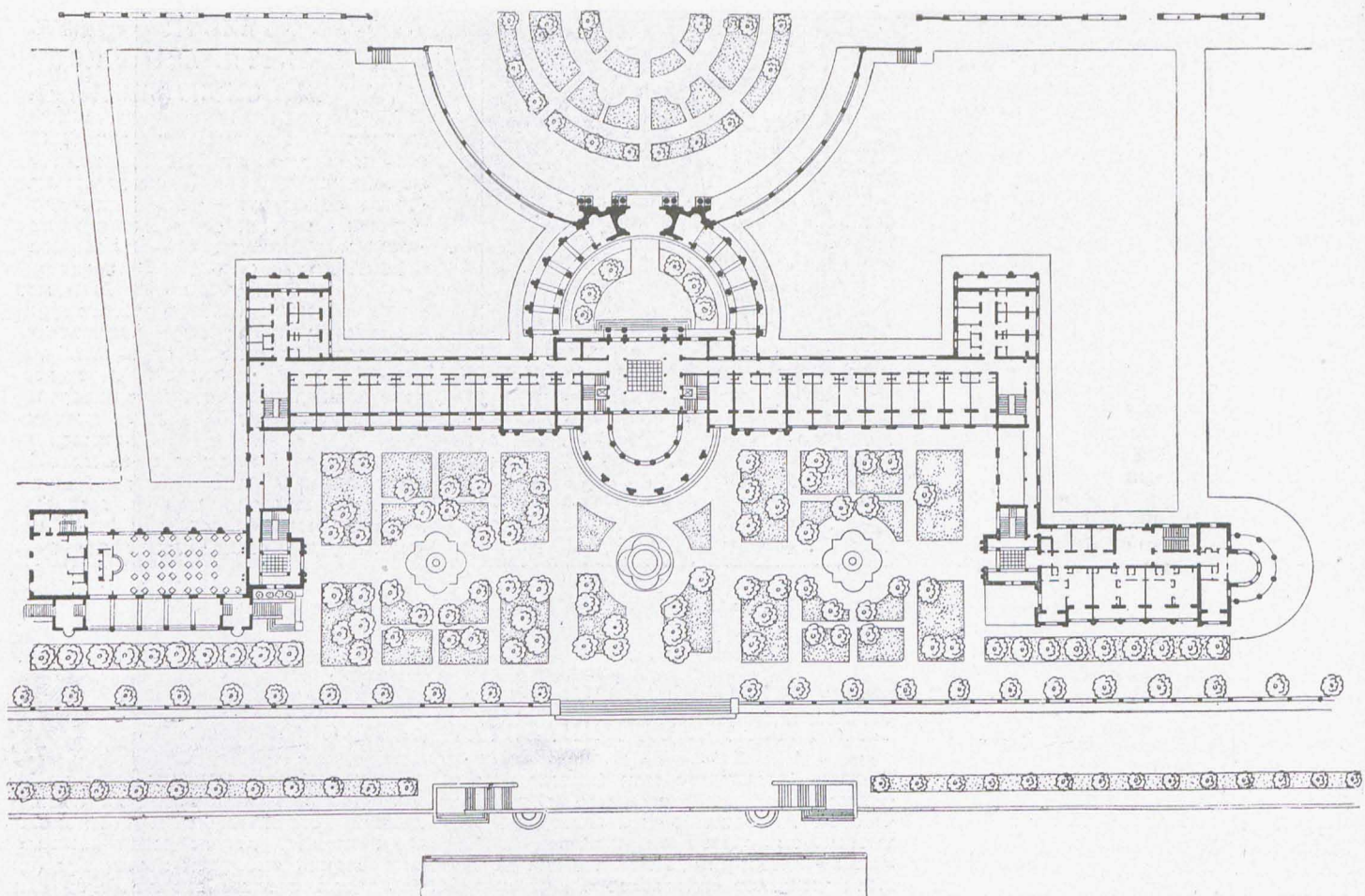

Санаторий в г. Гагре. Архитектор А. Алхазов

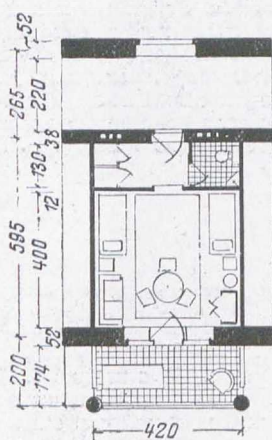
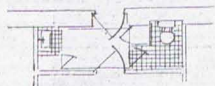
Схема плана застройки: 1 — центральный корпус; 2 — корпус люксов; 3 — корпус столовой; 4 — служебный корпус; а — гараж, б — прачечная, в — ванная; 5 — спортплощадки; 6 — пляж

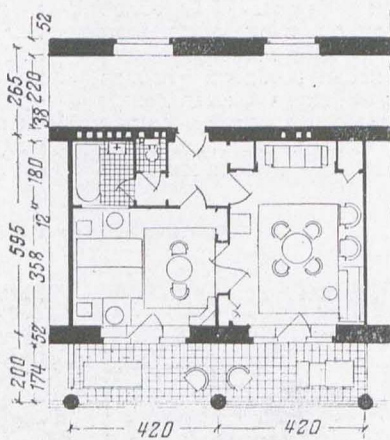
Санаторий в г. Гагре. Корпус столовой. Лоджия

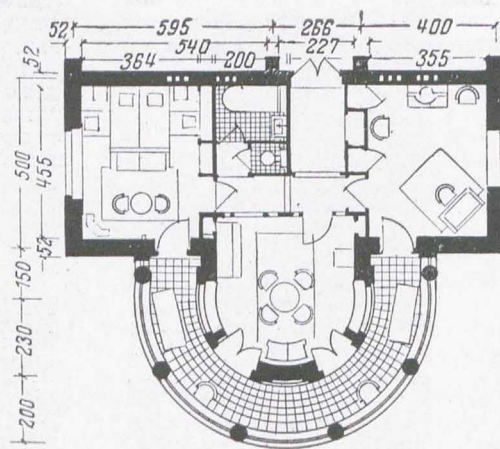
План 1-го этажа

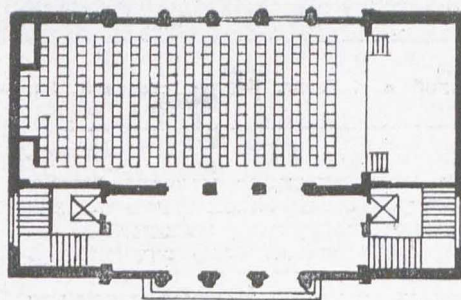
План однокомнатной палаты

План двухкомнатной палаты

План палаты — люкс

План концертного зала

Остальных частях композиции. Неубедительна трактовка фронтонов на раскреповках, фланкирующих центральную ротонду: фронтоны не вяжутся с мощной кривой карниза ротонды.

Разнообразны и красивы примененные автором малые парковые формы. Однако неприятное впечатление оставляет глухой парапет подпорной стенки на морском берегу. Со стороны санатория этот парапет, высотой более метра, на всем своем протяжении решен совершенно глухо, без какой-либо архитектурной обработки. Разумеется, автор прежде всего стремился создать массивную подпорную стенку, способную противостоять ударам прибоя. Но вместе с тем ему нужно было бы подумать и о художественной ее трактовке и создать архитектурные формы, не отделяющие партер от пляжа, а образующие красивый переход к нему.

Большое внимание уделено архитектором внутренним помещениям санатория. Комнаты площадью 17 квадратных метров рассчитаны на двух отдыхающих, а площадью 10,6 квадратных метров — на одного человека. При каждой комнате имеется тамбур с умывальником и раздевалкой.

Спальные комнаты удобны, они хороших пропорций, перед каждой из них, как уже отмечалось, имеется открытая галерея или лоджия. Внимательно подобраны колера покраски комнат, хорошо выполнены лепные и столярные изделия.

Удачно расположен зрительный зал — над уровнем жилых помещений, благодаря чему комнаты хорошо изолированы от шума.

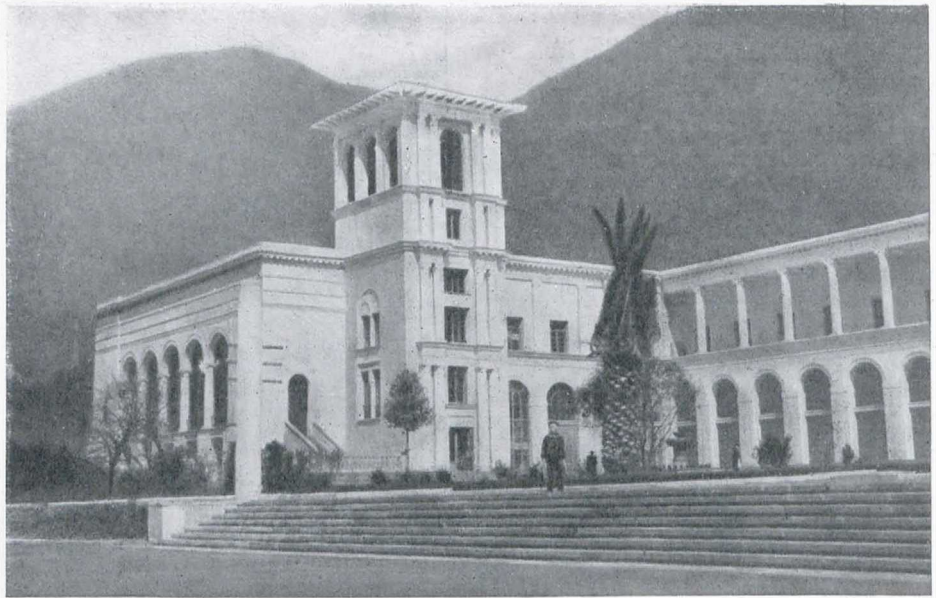
Предусмотрен кратчайший график движения отдыхающих, возвращающихся после лечебных процедур в свою комнату: из лечебной группы помещений они по лифту попадают в центральную часть своего этажа.

Красиво и разнообразно оформлены гостиные, холлы и все помещения общественного назначения. Лучшим интерьером санатория надо признать просторный и очень светлый обеденный зал, ясный и простой по архитектурной обработке.

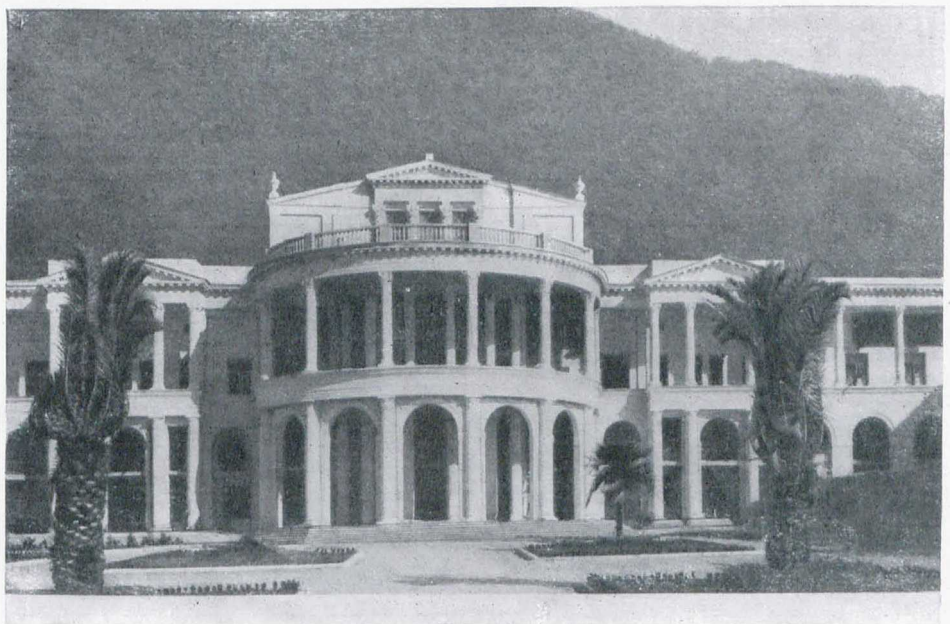
Следует отметить некоторые излишества, допущенные автором в планировочном решении комплекса. Кубатура комплекса (без хозяйственного двора) составляет 41 000 кубических метров (228 кубических метров на одного больного). Небольшое увеличение кубатуры возникло в результате завышения площади спальных комнат (17,0 квадратных метров вместо 14,0 квадратных метров по нормам) и некоторых излишеств в планировке центральных холлов и гостиных. Не было, например, необходимости строить две рядом расположенные лестницы в центральном узле.

Эти недостатки не могут однако изменить общей положительной оценки архитектуры и планировки санатория. Правильная композиция комплекса, умело найденная связь архитектуры с окружающей природой, обстановка уюта и покоя, созданная для отдыхающих, хорошая прорисовка деталей, высокое качество строительных работ — все это говорит о несомненном творческом успехе архитектора и строителей новой советской здравницы.

Архитектор В. СВИРСКИЙ

Корпус столовой. Вид со стороны моря

Центральная часть здания

Центральный вход со стороны шоссе

ПРОЕКТ ДОМА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОЛДАВСКОЙ ССР

В ближайшее время в Кишиневе на площади Победы будет начато строительство Дома правительства Молдавской ССР — ведущего сооружения в ансамбле центра Кишинева. Проект здания разработан архитекторами С. Тутученко, М. Лимбаном и С. Фридлиным.

Здание будет сооружено из местного камня — ракушечника (котельца), имеющего приятный желто-серый тон. Цоколь облицовывается красным гранитом; трибуны перед зданием также будут выполнены из гранита.

Большой сессионный зал, рассчитанный на 600 мест, решен в виде амфитеатра; для отделки интерьеров будут использованы мрамор, бронза, цветное стекло и другие материалы.

О ПРОЕКТИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ

Для изготовления архитектурных гранитных деталей (плиты, ступени, цокольные и порталные камни, колонны, вазы, шары, балясины и др.) требуются подробно разработанные чертежи, шаблоны в натуральную величину, спецификация деталей с подсчетом площади обрабатываемой поверхности каждой детали в отдельности и т. д. Между тем не все проектные организации выполняют вышеуказанные требования.

Проектные организации допускают также излишества в требованиях к обработке гранитных деталей, что приводит к удорожанию продукции. Так, например, тыльную грань и постель цокольных карнизов и маршевых ступеней следует обрабатывать грубым околлом, тогда как архитекторы требуют обработки этих гра-

ней чистой или получистой теской. На торцах и постелях всех гранитных деталей, как известно, необходимо делать по всему периметру пригнанные ленты, шириной 2—3 сантиметра, а остальную толщину плит сколоть под углом 15—20°. Однако архитекторы нередко требуют чистой обработки всех граней плит.

Следует также отметить, что часто не учитываются производственные возможности предприятий. Так, например, плиты, ступени и другие детали больших размеров (длиной более 1,5 метра) проектируются цельными, хотя по условиям залегания гранита в месторождении не всегда представляется возможным выкалывать в карьерах болванки таких крупных размеров. Нередко архитекторы проектируют очень сложные профилированные карнизы,

с весьма малой толщиной (6—8 сантиметров), что недопустимо по требованиям прочности деталей.

До сего времени отсутствует единая терминология в области фактурной отделки гранитных деталей, поэтому одну и ту же обработку называют по-разному: ковка под бучарду, теска и т. д., что вносит большую путаницу.

Проектные организации ограничиваются общим названием всех деталей — камень. Этот термин не определен. Между тем каждая гранитная деталь имеет свое техническое наименование.

Поэтому желательна совместная разработка альбомов-каталогов по каменным архитектурным деталям.

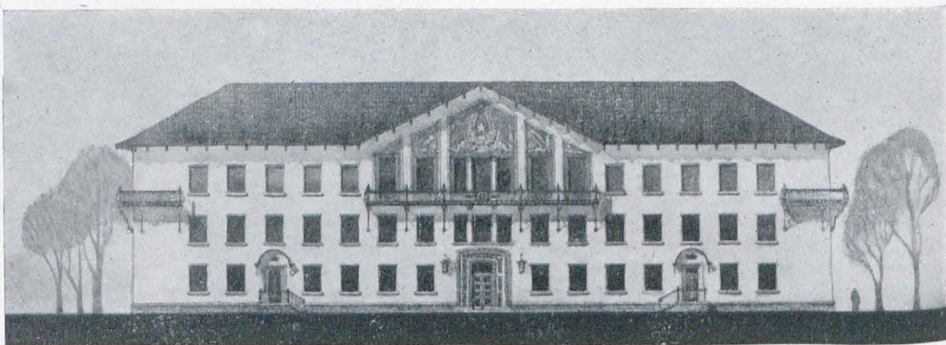
Инженер А. КАРОГОДСКИЙ

УЧЕБНОЕ ЗДАНИЕ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КОЛХОЗНЫХ КАДРОВ

На окраине Вильнюса, там, где начинаются живописные холмы, покрытые хвойной и лиственной растительностью, быстрыми темпами возводится большое учебное здание для подготовки колхозных кадров (автор проекта — архитектор Л. Казаринский). Здесь будут обучаться руководящие кадры молодых литовских колхозов. Такие же здания строятся в других крупнейших городах Литвы — Каунасе, Шауляй, Клайпеде.

На участке площадью около 7 гектаров разместятся основное учебное здание с общежитием, столовой и библиотекой, стадион и спортивные площадки, помещения для сельскохозяйственных машин.

Центральный корпус расположен на возвышенной площадке, в окружении зеленых насаждений; по соседству с учебными зданиями нет городской застройки. Все это обусловило некоторые особенности при-

нятого автором архитектурного решения в частности ясно ощущаемые элементы декоративности в архитектуре фасадов.

В данных конкретных условиях эти черты декоративности не кажутся нарочитыми, неорганичными. Но приходится пожалеть о том, что в проекте не нашли должного приме-

нения мотивы национального искусства, которые можно было широко использовать, например, в лепке, в декоративной росписи, которой будет украшен фасад здания, в рисунке балконных решеток.

В. ГОЛОВИНСКИЙ

В связи с неуклонным повышением благосостояния советской деревни Институту колхозного строительства необходимо тесно увязать свою работу с требованиями практики.

Дальнейшая работа Академии архитектуры СССР, сказал т. Мордвинов, должна быть построена так, чтобы ведущее место в ней заняли творческие проблемы архитектуры.

Для улучшения работы по подготовке кадров следует укрепить руководство аспирантурой, пересмотреть тематику и объем диссертационных работ.

С докладом о научно-исследовательской работе Академии архитектуры СССР в 1952 году и плане работ на 1953 год выступил и. о. академика-секретаря Академии архитектуры СССР член-корреспондент академии Н. Былинкин.

* * *

Выступавшие в прениях подвергли резкой критике работу институтов градостроительства и теории и истории архитектуры.

Большинство выступавших указывало на отсутствие четких научно-обоснованных градостроительных принципов, что приводит часто к случайным приемам застройки или неудачным ансамблевым решениям в различных городах. Имеющийся опыт ансамблевого строительства Институтом градостроительства не обобщается и не популяризируется.

На необходимость обобщения передового опыта ансамблевого строительства в Киеве, Минске, Ленинграде и других городах указывали, в частности, президент Академии архитектуры УССР В. Заболотный, главный архитектор Сталинграда В. Симбирцев и другие.

Признав критику в адрес Института градостроительства правильной, директор института В. Бабуров заявил, что сейчас в Академии архитектуры СССР еще не созданы условия для обобщения передового опыта строительства, неудовлетворительно организован сбор материалов.

Одним из рациональных методов сбора и обобщения материала т. Бабуров считает привлечение главных архитекторов городов к работе над диссертациями, освещающими историю и практику строительства городов.

Тов. Б. Рубаненко отметил, что президент академии в своем докладе не уделил должного внимания типовому проектированию, не дал конкретных предложений по его организации. Между тем Академия архитектуры СССР должна занять ведущее место в типовом проектировании, дать свой вклад в виде разработки новых типов сооружений, приемов застройки и т. д. Задача академии — разработка методики работ в области типового проектирования, создание образцовых типовых проектов.

Эта задача может быть выполнена по мнению тов. Рубаненко только в том случае, если в академии будет создан научно-исследовательский институт или бюро типового проектирования.

На необходимость создания в академии института типового проектирования или консультативных проектных бюро при

институтах указывали также тт. В. Заболотный, П. Блохин, Б. Иофан, Я. Кравчук.

Большое внимание уделит типовому проектированию тов. В. Симбирцев. Он отметил, что вплоть до настоящего времени действуют только три проекта двух-трехэтажных жилых домов и два проекта школы.

Государственный комитет по делам строительства не уделяет достаточного внимания обновлению типовых проектов, которые устарели по архитектурным и конструктивным решениям. Также устарели и не обновляются ГОСТы на многие строительные изделия заводского изготовления, в том числе на окна.

В настоящее время, сказал тов. Симбирцев, особенно чувствуется отставание архитектурной науки от запросов практики. Отдел архитектуры жилых и гражданских зданий Комитета по делам строительства также не борется за повышение художественного качества сооружаемых зданий.

Сейчас назрело время поставить вопрос о монументальной пропаганде. Комитет по делам строительства и Госплан должны планировать объем и стоимость работ по монументальной художественной пропаганде.

На отставание академии в разработке теории советской архитектуры указывали многие выступавшие в прениях.

Если одна сторона помощи, сказал тов. А. Михайлов, — практическая помощь в области типового проектирования, то другая, не менее важная сторона — вооружение советской архитектуры теорией. Назрело уже время обобщать опыт строительства крупнопанельных домов и застройки новых магистралей. Сейчас можно также дать анализ существующих архитектурных «учений» и творчества таких мастеров советской архитектуры, как И. В. Жолтовский, Л. М. Поляков, М. В. Руднев, Д. Н. Чечулин. В творчестве ведущих мастеров ясно сказывается борьба нового передового и старого, отсталого. Задача науки — отделить и подчеркнуть новое, прогрессивное.

Тов. Михайлов говорил, что следует издавать не только большие труды, но и небольшие сборники о творчестве мастеров.

О работе Института строительной техники сделали сообщения тт. Г. Кузнецов и В. Келдыш. Они отметили, что в области сборного домостроения отсутствует подлинная связь между техникой и архитектурой, нет обобщения и популяризации опыта крупнопанельного строительства, особенно в вопросах архитектуры. Однако эти вопросы не получили достаточного освещения на сессии.

О плане научно-исследовательской работы Ленинградского филиала Академии архитектуры СССР на 1953 год сделал сообщение и. о. руководителя филиала тов. Б. Муравьев. Он рассказал об организованном в 1953 г. творческом содружестве научных работников филиала с проектными организациями и практикой строительства, которое сейчас уже дает свои результаты. Однако возможности филиала ограничены отсутствием кадров:

из 8 действительных членов и членов-корреспондентов, работающих в Ленинграде, в филиале сотрудничают только трое.

Ученому совету филиала не дано права присуждать ученые степени, что по мнению тов. Муравьева задерживает рост научных архитектурных кадров в Ленинграде.

С организационными предложениями выступил научный работник Академии архитектуры тов. З. Быков. В связи с возросшим значением работы в области архитектуры интерьера, сказал он, следует пересмотреть структуру Академии архитектуры СССР, которая сейчас не приспособлена к тому, чтобы охватить вопросы архитектуры интерьера полностью — как в области жилищного, так и общественного строительства.

Для лучшей организации этой работы тов. Быков предложил создать в академии институт интерьера и художественной промышленности на базе существующего отдела интерьера и художественной промышленности Института архитектуры жилища.

Выступавшие в прениях тт. А. Курдиани, А. Воинов, М. Рзынин и другие говорили о необходимости создать филиалы Академии в тех союзных республиках, где сейчас имеются условия для этого (Белоруссия, Грузия, Азербайджан).

Многие выступавшие отмечали, что издание научных работ академии часто затягивает, откладывает сдачу их в набор. Качество художественного оформления большинства изданий не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к архитектурной книге. Выступавшие предлагали восстановить издательство Академии архитектуры СССР.

* * *

В принятой резолюции сессия одобрила в целом направление работ академии, принятую тематику и план работ на 1953 год. Вместе с тем сессия отметила, что в проекте плана на 1951—1955 годы не отражены некоторые темы и требования строительной практики.

В резолюции отмечено, что в 1952 году академия недостаточно занималась проектированием, опаздывала со сдачей работ для публикации. Особенно должна быть усилена работа Института теории и истории архитектуры по разработке теории советской архитектуры и в частности теории архитектурной композиции и по проблемам ансамбля.

Сессия постановила возбудить ходатайство о создании в академии института типового проектирования. Предложено также устраивать просмотры и обсуждения крупных проектных работ действительных членов и членов-корреспондентов Академии архитектуры СССР, работающих вне стен академии.

Для улучшения научной работы сессия предложила президиуму Академии архитектуры СССР организовать самую широкую и тесную связь с Академией архитектуры УССР и всеми научно-исследовательскими институтами, занимающимися вопросами архитектуры и строительной техники.

Редакционная коллегия: М. А. ОСТАПЕНКО (редактор), А. В. ВЛАСОВ, А. И. ГЕГЕЛЛО, В. И. ЗАБОЛОТНЫЙ, А. Г. КУРДИАНИ, М. А. УСЕЙНОВ, А. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ, С. Е. ЧЕРНЫШЕВ

Зав. художественно-иллюстрационным отделом Ю. Е. Шасс

Технический редактор А. П. Берлов

Адрес редакции: ул. Чехова, 8. Телефон К 4-95-81.

Сдано в производство 17/VII 1953 г. Подписано к печати 15/VIII 1953 г. Заказ 728. Т-06704 68 × 98¹/₈. Печ. л. 4,8 + вклейки 1,2 печ. л. Бум. л. 2 + 0,5 б. л. вклейки. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 12 850 экз. Цена 10 руб.

3-я тип. Гос. изд-ва литературы по строительству и архитектуре, Москва, Куйбышевский пр., 6/2

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЖНЫЕ ЗАДАЧИ АРХИТЕКТУРНОЙ НАУКИ
Стр. 1

*

О ТВОРЧЕСКИХ ИТОГАХ РАБОТ АРХИТЕКТОРОВ РСФСР
ЗА 1952 ГОД
С. Колесников
Стр. 6

*

АРХИТЕКТУРА НИЖНЕ-ТАГИЛЬСКОГО ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ
МЕТАЛЛУРГОВ
Н. Уманский
Стр. 16

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

НЕОСВОЕННОЕ НАСЛЕДСТВО
А. Венедиктов
Стр. 19

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ М. П. ЦАПЕНКО «О РЕАЛИСТИЧЕСКИХ
ОСНОВАХ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ»
К. Иванов, А. Касьянов
Стр. 24

АРХИТЕКТУРНАЯ ЖИЗНЬ

НОВЫЙ САНАТОРИЙ В г. ТАГРЕ
В. Свирский
Стр. 28

*

ПРОЕКТ ДОМА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОЛДАВСКОЙ ССР
Стр. 30

*

О ПРОЕКТИРОВАНИИ АРХИТЕКТУРНЫХ ДЕТАЛЕЙ
А. Карогодский
Стр. 30

*

УЧЕБНОЕ ЗДАНИЕ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ КОЛХОЗНЫХ КАДРОВ
В. Головинский
Стр. 30

ПУБЛИКАЦИЯ

ДОМ СТРЕШНЕВЫХ
В. Снегирев
Стр. 31

ХРОНИКА

XI СЕССИЯ АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ СССР
Стр. 31

Цена 10 руб.

АРХИТЕКТУРА СССР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
орган
АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ ССОР
СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ ССОР
и УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ АРХИТЕКТУРЫ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР

Адрес редакции: Москва, ул. Чехова, 8
Телефон К 4-95-81

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛИТЕРАТУРЫ
ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ

2015595570

